

Никто, кроме нас! Российский спецназ!

СЕРГЕЙ

Зверев

БАСТИОН

*Тайное становится
ЯВНЫМ*

Бастион

Сергей Зверев

Тайное становится явным

«Научная книга»

2010

Зверев С. И.

Тайное становится явным / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2010 — (Бастион)

В смертельной схватке двух мощнейших тайных организаций России – «Бастиона» и «Ордена» – наступает решающий этап. Руководство «Бастиона», ранее безжалостно искоренявшее коррупцию в стране, само коррумпируется и начинает уничтожать своих прежних соратников. Оно заманивает Павла Туманова в ловушку, в результате чего он попадает в руки «Ордена» и его зомбируют в секретной лаборатории. Дину Красилицу «Бастион» внедряет на военную базу противника под видом курсанта, где она должна организовать диверсию – и наверняка погибнуть. Но Дина совершенно не согласна с таким раскладом: она хочет спасти Павла и выйти из игры...

Сергей Зверев

Тайное становится явным

Из записи допроса. 11.07.20.. г. 6.30 утра.

– Слишком рано, спать хочу... Это что за «ежовщина», господа?

– Вы понимаете, Дина Александровна, что совершили акт измены?

– Как вы смешно выражаетесь, молодой человек, – акт измены... Да вы суший златоуст. Меня, к вашему сведению, зовут Любовь Александровна Ушакова, и я не понимаю, о чем вы так витиевато... И чем, собственно, вызвано ваше стремление в три часа ночи...

– Вас зовут Дина Александровна Красилина. Давайте забудем про липовые имена и клички. Или еще лучше – оставим их нашим друзьям из тайных обществ. Вы обвиняетесь в намерении покинуть страну в момент исполнения служебных обязанностей.

– Вы имеете в виду эти смешные загранпаспорта?

– Естественно. А также в том, что, покинув тайгу, вы не вышли на связь со своим начальством в Иркутске. Вы, похоже, и впредь не собирались, нет?

– Вы не уверены, собиралась я или нет. Так что перестаньте гадать. А мое поведение... Это не есть... акт измены. Моя персона ничтожно мала, и едва ли ее присутствие на рабочем месте живой и невредимой вызовет фурор в рядах работодателей.

– Вы владеете информацией, способной изменить положение дел в стране. Ее сокрытие – не просто государственная измена. Это игра в стане врага, уважаемая Дина Александровна.

– Идите к черту. Это не намеренное сокрытие.

Пауза.

– Охотно допускаю. Хотя не уверен, допустят ли другие. Ладно, бог с ними, другими. Но вы нарушили все существующие инструкции. Вы разделили информацию с посторонними, вы действовали, как сопливая дилетантка, грубо вмешиваясь в работу параллельных структур. После вашего наезда на Эрлиха нам пришлось срочно его брать – хотя не были до конца отслежены связи и механизм как шпионской, так и воровской деятельности. Но он открыто запаниковал. В итоге из-за ваших эгоистических устремлений мы остались в ущербе.

– Я не знала, что вы продолжаете разрабатывать Эрлиха... Хорошо, я совершила ошибку. Каюсь. Но извините, не... акт измены. Я пять лет работаю на вашу организацию, хотя между нами, девочками, говоря, ничем ей не обязана. И все пять лет таскаю вам каштаны из огня. Благодаря моей (в том числе) деятельности была уничтожена лаборатория психологической обработки человека на Горном Алтае. Благодаря моим бессонным ночам была составлена карта распределения «обработанных» чиновников НПФ на ключевые посты в управленческом аппарате, позволившая через четыре года их бесшумно убрать. Благодаря моей, наконец, журналистской деятельности в эмиграции удалось арестовать счета многих высокопоставленных фигур из Национал-патриотического фронта, занимающихся поставками в Европу небезызвестного препарата А-1, и вывести на чистую воду группу Беляева-Казанского, которая намеревалась на выгодных для себя условиях вступить в сговор с представителями финансовых кругов Запада...

Легкий смешок.

– Группа Беляева-Казанского была подставлена самим Орденом – не вы ли принесли нам эту информацию?... Ладно, простите, Дина Александровна, вас в этом не обвиняют. Никто не умаляет ваших прошлых заслуг и не пытается их опротестовать. Что было, то было. Даже чисто по-человечески мы понимаем: вы устали. Вы встретились с любимым человеком и решили связать с ним дальнейшую судьбу, полностью выйдя из игры. Легкомысленно, но по-людски понятно.

– Где вы держите моих спутников?

– С ними все в порядке. Правда, девочка у вас какая-то нервная, Дина Александровна. Дерется, чушь прекрасную несет...

– А Туманов?

– Туманов спокоен, ведет себя грамотно. Но наши работники на всякий случай уже не подставляют ему свои челюсти. От греха подальше. У лейтенанта Симакова две трещины на скуле, он сильно расстроен. И есть с чего. По наблюдениям медиков даже перелом срастается куда быстрее, чем трещина.

– Простите его, он такой дикий.

– Охотно. Я не Симаков. Вы не волнуйтесь, Дина Александровна, ваших спутников не истязают и не насилюют. Полагаю, в случае примерного поведения им даже не придется идти в камеру.

– Вы заговорили по-другому. Минуту назад вы обвиняли меня во всех смертных грехах... Новый смешок.

– Вышли мы все из народа, Дина Александровна. И замашки у нас исконно народные. Меняем гнев на милость – как ветер направление...

– Мы находимся у вас второй день. Я рассказала абсолютно все. Почему нам не доверяют?

– Вашим словам доверяют. Не доверяют вашим поступкам. Ваша дальнейшая судьба решается. Она будет зависеть от многих факторов, в том числе и от тех мероприятий, которые мы проведем независимо от вас. А сейчас давайте пройдем в соседнюю комнату – там есть ручка и очень много чистой бумаги, – где вы подробно, до мельчайших нюансов опишете базу и все подслушанные вами разговоры. Особенно нас интересуют люди с именами Александр Николаевич и Алла Викторовна.

– Слишком много писать. Я с вами графоспазм заработаю...

Из записи допроса 11.07.20.. г. 23.55

– Спать пора, черти... У вас что, жены нет или поругались?

– Ваша фамилия – Туманов? Павел Игоревич Туманов?

– Вероятно, да. А также Шумилин, Налимов, Денисов, Князев, Сибиряк, Беркут, а в школе меня еще окрестили Пашей Ластиком – за умение грамотно выскрести двойки из журналов. Спрашивайте по существу.

– Вас идентифицировали по старым фото из дела «Бест».

– Я что, труп – меня идентифицировать?

– М-да, смешно... Вы действительно пару месяцев носили фамилию Князев. Операция в Забайкалье прошла блестяще, как, впрочем, и большинство операций с вашим участием.

– Особенно последняя. Когда при моем непосредственном участии был уничтожен костяк группы Беляева-Казанского, и вы не придумали ничего интереснее, как разнести меня в клочья. Я только не понял – это благодарность или дисквалификация?.. Кстати, еще не поздно. У вас есть прекрасная возможность наверстать упущенное.

– Не вижу смысла. По крайней мере, пока. Вас убивало другое подразделение. Как вы оказались в компании Красиловой?

– Случайно. Когда два человека мечтают встретиться, они непременно встречаются. Это закон. К сожалению, не помню его автора...

– Вы понимаете, что врать нерационально?

– Я понимаю. Мне прекрасно известно, что такое препарат С-5. Я не вру, товарищ... м-м... У вас звание есть? Или вы, прошу прощения, на гражданских хлебах?

– Полковник. Полковник Млечников.

– Хорошая фамилия. Звонкая... Исходя из этого, товарищ полковник, я не собираюсь врать и шипеть гадюкой, а готов ответить на все вопросы и даже дать вам пару деликатных советов. Например, как обустроить Россию... В этой комнате никого не убивали, нет?

– Это комната для допросов. Расстреливают в подвале. Там же цементируют и ставят крест. Вы исчезли из Москвы в октябре прошлого года. Нам нужны письменные показания, где, с кем и как вы провели последующие месяцы. Вам дадут бумагу, ручку. И время. Суток хватит?

– Хватит. Если пожрать дадите. Торчу у вас два дня, понимаешь, за миску водорослей и кусман черняги. Совесть бы поимели – у меня, между прочим, заслуги. В отличие от вас, по отношению ко мне.

– Не будем вдаваться, Павел Игоревич, в технику и специфику. Пианист играет, как умеет. У каждого свой сектор и зона ответственности.

– Хреново играете, уважаемые. Опять профукаете страну. Весь ваш коллективный интеллект только и может латать дыры в бардаке да носиться за миражами. А страна, между прочим, уплывает. В ваших рядах заговорщики... Ах, простите, не так выразился – ВВІ в рядах заговорщиков. Вся деятельность «Бастиона» есть не что иное, как элемент планомерной работы наиболее «продвинутой» части Ордена. Как вам это нравится? «Росгаз» под Орденом, контакты с китайцами – под Орденом... А ваша, собственно, заслуга, я имею в виду зазнаек из «Бастиона», состоит в отстреле зомбированных идиотов из НПФ да в выключивании «гуманитарки», которая успешно разворовывается. Да и сами вы, товарищ полковник, – уж не знаю кто такой. Может, и вы один из новых?..

– Умерьте свой пыл, Павел Игоревич. С проблемами внутри организации мы как-нибудь справимся.

– Да хотелось бы не «как-нибудь», а как надо... Ладно, будет трепаться. Ташите хавку.

– А вам больше подойдет смирение. Я удаляюсь, Павел Игоревич, сейчас вам принесут бумагу, кофе, и займитесь, наконец, делом. В шесть утра подадут завтрак, тогда и отдохнете. Апельсинов не обещаю, но, думаю, калорий хватит. О вашей дальнейшей судьбе сообщат отдельно.

– А о судьбе моих спутников?

– Они в порядке. Красилина дает показания, соплячка дерется ногами. Это не вы ее приучили?

– Ее жизнь с волками приучила... Вы гарантируете их безопасность?

– С удовольствием.

– Девочка потеряла отца – крупного чиновника из «Росгаза». С Русаковым были расстреляны некто Раневич, Сынулин и две женщины, их сопровождающие. Компания летела на базу отдыха «Орлиная сопка». Разумеется, ликвидировавшие их люди не сообщат о содеянном родным и начальству. Не могли бы вы об этом позаботиться?

– Мы решим этот вопрос.

– Когда нас арестовали, у меня при себе находилась крупная сумма денег. Четыре тысячи долларов и около сорока тысяч рублей. Это наши деньги... Мы их заработали своим потом... Надеюсь, про них не забудут в случае... в случае благоприятного разрешения нашего вопроса?.. Почему вы так смотрите? У кого не все дома – у меня или у вас?

– Павел Игоревич...

– Простите, полковник, я понимаю, что это приступ сиюминутной жадности, но все же... А, шли бы вы к черту, полковник!..

Из записи допроса 16.07.20.. г. 8.40

– Послушайте, я вам что, жужелица водяная, водорослями питаться? У меня от них разум кипит и волосы дыбом! Посмотрите, какая я зеленая!

– Это природный элемент, Дина Александровна...

– Да что вы говорите? Синильная кислота, между прочим, тоже природный элемент! И уголь в легких, от которого силикоз по роже, – тоже природный элемент! Сами тут сидите, пончики жрете!

– Да где вы видите пончики? Вот чернильница, вот пепельница... Вы питаетесь тем же самым, чем питается весь личный состав этой части. Никакой, уверяю вас, дискриминации. Просто прибыла гуманитарная помощь из Бельгии – вагон морской капусты, и комбат отдал приказ – до сентября съесть. Это строевые офицеры, Дина Александровна. Им никто не стал объяснять, что у капусты срок хранения – пока не съешь.

– А мне тут с диатезом мучиться по милости ваших оловянных?

– Ладно, успокойтесь. Насколько я в курсе, других претензий у вас нет? Ни на условия хранения... простите, содержания, ни на обращение персонала вы не жалуетесь?

Пауза.

– Ну, если не считать, что меня взяли за жабры и вот уже неделю держат в подвешенном состоянии...

– А вы не считайте. Скоро ваши жабры вздохнут свободно. Есть мнение, что вас следует отпустить.

Пауза.

– Звучит неплохо. Одну?

– Всех. Коленом под зад.

– А вы отличный парень, капитан. Как я сразу не заметила? У вас глаза человеческие, и лицо открытое, и хамите редко... А с чем, позвольте поинтересоваться, связано происхождение вышеупомянутого мнения?

– Вы не поверите, Дина Александровна, – с нежеланием иметь с вами дело. Вы отыгранный материал. И ставить на вас гриф «хранить вечно» – дорогое удовольствие. Вам и вашему спутнику будут возвращены вещи, деньги, загранпаспорта Эрлиха (ему уже не нужны) и даже эта несносная соплячка Русакова – делайте с ней, что хотите. Можете отвезти в Москву и сдать тетке.

– Подождите... Это что же выходит – вы не возражаете против нашего отъезда за рубеж?

– Совершенно справедливо. Катитесь на все четыре. Пургин в Иркутске уже снял вас с довольствия.

Длинная пауза.

– Нет, я решительно отказываюсь понимать... Может, объясните, в чем подвох?

– Такова наша с вами биография, Дина Александровна.

– А какова наша с вами биография, капитан?

– Верные делу демократии подразделения «Бастиона» профильтровали московское отделение. Взят под стражу Пустовой и два его заместителя. Взят руководитель «западного» отдела Графт. Могу вас порадовать: Бережнов Герман Игоревич – ваш давнишний куратор – не связан с заговорщиками. Арестованы два типа из Директории – министр финансов Полищук и министр без портфеля Муромский – ответственный за связи правительства с руководством естественных монополий – таких как «Росгаз» и «Топэнерго». Арестованы командующий Московским военным округом, руководитель Таможенного комитета, ректор Института экономики. А также несколько его заместителей, в том числе кандидат экономических наук Алла Викторовна Сташинская – вам ни о чем не говорят ее имя и отчество?

– Пожалуй...

– Далее работа переходит на уровень регионов. Работа кропотливая, неблагодарная. Мы не знаем, например, как подобраться к базе. А даже подберемся – что это дает? Она не одна. Мы не знаем, кто такой человек по имени Александр Николаевич – с ваших слов не последний администратор в подземном городище на Енисейском кряже. В стране, как вы догадываетесь, сотни тысяч Александров Николаевичей...

- Но ведь элементарный допрос Пустового, Сташинской...
- Осечка, коллега. Обоим – а их допрашивали параллельно – ввели препарат, «облегчающий понимание», и оба умерли в страшных мучениях от анафилактического шока.
- Какой ужас...
- То есть организм уже заранее был настроен на неприятие определенного типа препаратов, способных развязывать языки. Из этого можно допустить – сработала своеобразная «ампулка с ядом», хранимая для себя... Помните профессора Плейшнера?
- Или еще хлеще, капитан. Как вам такой вывод: все взятые вами отцы-руководители, рулевые и впередсмотрящие – никакие не отцы и не руководители, а элементарные подчиненные, умело запрограммированные. А вся ваша суета рассматривается свыше не как провал, а как досадная временная заминка. Ничего версия?
- Долгое молчание.
- Вы аналитик?
- Что вы, я из леса вышла.
- Вот и ступайте в свой лес. Или еще куда. Хоть на Багамы. Через час вам выдадут одежду, вещи и подсунут бумажку, в которой вы поставите закорючку, что никогда не разгласите полученные вами сведения. Все.
- И никаких предварительных условий?
- Практически... Всего доброго.

Туманов П. И.

Лязгнул замок. Туманов приоткрыл один глаз. Уже пятое утро он занимается этим делом – при отпирании двери приподнимает веко правого глаза и через полусонную муть отслеживает, как входит невооруженный человек с подносом. Ставит поднос на стул и, уходя, кивает стоящему в дверях стрелку с автоматом. Стрелок захлопывает дверь.

Сегодня вошли двое. В одном глазу двоиться не должно, стало быть, так и есть – двое. Это что? Именем Трибунала Российской Федерации?.. Ох, грехи вы наши тяжкие... Павел лениво приоткрыл второй глаз и кряхтя стал сползать с кровати. Неудобно как-то: два мужика в сером стоят над душой и явно стесняются дать тебе по кумполу, чтобы ты быстрее шевелился.

- Одевайтесь и следуйте за нами, – сказал один.
 - А помыться? – возмутился Туманов. – А поесть?
 - А может, вам еще и священника? – мрачно пошутил второй.
- Ну все, подумал Павел. Прощай, заблудшая душа.

Дрыгаться смысла не было. В коридоре – у окна и у сортира – маячили еще двое. Они всегда там маячат. Пришлось спрятать обиду, убрать руки за спину и прогуляться.

В узкой комнатухе – нечто среднее между регистратурой и камерой хранения – ему отдали вещи.

– Распишитесь. Одежда, нож, фонарь, зажигалка. Документы. Деньги. Пересчитайте, чтобы потом не было вопросов. Какая-то веревка, бинт, раздавленный антикомарин – если хотите, тоже забирайте... Пистолет-пулемет «ПП-24» – реквизирован. Кисет с желтым металлом – реквизирован. Так, теперь здесь распишитесь... И здесь... И вот на этом квиточке... Все, свободны.

Происходящее дальше выглядело полной фантастикой. Коридор, солнышко, редкие клумбы вокруг плаца, выцветшие плакаты с безликими военнослужащими, тянущими носок. «Пиковая» ограда, КПП...

- Счастливо, – буркнул сопровождающий.
- Туманов машинально отозвался:
- И тебе счастья...

Он давно подозревал, что это никакая не тюрьма, хотя и везли его в кузове, и выгружали во внутреннем двореке, где не было ни звезд, ни плакатов. И охрана состояла из мужиков в годах. Энские тюрьмы он знал не понаслышке – они вовсе не такие. Обстановка в казенных училищах никогда не напоминает обстановку задрипанной гостиницы с наспех врезанными дверьми. А новые тюрьмы уже не строят. Даже картонные. Отгрохать кутузку – равноценно по деньгам строительству университета с современной научной базой.

В ста шагах от КПП – улица. Грязные дома, машины, люди. Заурядный «комплексный» патруль – один «синенький», два «зелененьких». Обычно друг дружку недолюбливают, а эти, похоже, спелись. Двое дружно шерстят компашку цыган с баулами, третий, как и положено, с автоматом на стреме. Легальный грабеж. И возмущаться не резон: объясняй потом в морге соседу по полке, что у тебя нервы не железные.

Дина с Алисой сидели на лавочке, ждали его. Увидав, изменились в лице, подпрыгнули, бросились обнимать. Веселые – дальше некуда.

– Выпустили... – пыхтела Дина. – Ты понял, Туманов, они нас выпустили... Не могу поверить. Колоссально!

Он обнимал их, таких родных, долгожданных, и тоже не мог поверить. Павел познавал эту объективную реальность в ощущениях, но она казалась уж больно простой. Он привык к тому, что мир сложнее, богаче, нежели видят его глаза.

– Эта реальность не объективная, – бормотал Туманов. – Где-то рядом должна быть другая.

– А что, есть объективная реальность? – хлюпая носом, спросила Дина. – Это бред, вызванный недостатком алкоголя в крови... Успокойся, Туманов, нас выпустили... Со всеми потрохами, документами... Колоссально!

– И мы продолжим наши танцы-шманцы, – Алиса подпрыгивала и пыталась укунить Туманова в густую щетину.

– Обжиманцы... – захохотала Дина.

Патруль, работающий неподалеку, прервал шмон и с интересом уставился на них.

– Тихо... – зашипел Туманов. – Заметут по второму разу, вот тогда и похочем...

Веселье угасло. Алиса перестала подпрыгивать.

– Фу-у, – сказала Дина. – Замучили, сволочи. Распотрошили, как курицу. Всю мою биографию, знания, мысли о будущем Великой России...

– Аналогично, – пробормотал Туманов, – Правда, мыслей у меня – кот наплакал, не порезвишься.

– А я одному между ног дала, – гордо сообщила Алиса.

– Не лейтенанту ли Симакову? – Дина снова истерично захохотала.

– Послушай, вождь краснокожих, – Туманов, сдерживая икоту, сверху вниз воззрился на ребенка. – Я тебя когда-нибудь усыновлю... в смысле, удочерю и буду еженощно до рассвета лупить широким кожаным ремнем.

– Я потерплю, – улыбнулась Алиса и подставила солнышку такую ангельскую мордашку, что все повторно покатались со смеху. Туманов сделал знак патрулю: мол, все окейно, ребята, занимайтесь своим делом.

– А если серьезно, – Дина перестала смеяться и принялась усиленно чесать переносицу, как бы подавляя нестерпимое желание чихнуть, – нам нужно капитально где-нибудь сесть и хорошенько подумать. Уж очень много в наших играх неясностей. Туманов, дай наводку.

– Наводку?.. – пробормотал он, задумчиво кусая губы. – Ну хорошо, попробуем... Пойдем, веселая семейка, дам я вам на водку...

Водку в ближайшей тошниловке не продавали. Имелась подделка под «Арарат», а на кушанье – голландские сырокопчености, очень удобные для намазывания на хлеб. Какую

только дрянь не везут. Народу почти не было. Финансовые возможности сограждан не позволяли посещать даже малоаппетитные места. Даже в утренние часы, когда цены падают вдвое.

Но им впервые за неделю предложили пищу, не напоминающую баланду и не отдающую морской капустой. Они набросились на нее с жадностью робинзонов. После первой рюмки мыслительный процесс сдвинулся с места.

– Нет, не верю я в благотворительность бывших коллег, – Туманов быстро, словно кто-то был против, разлил по второй – для закрепления начавшегося умственного процесса. – Они прежде всего «черные лукичи», а уж потом гуманитарии. И где-то в их словах и поступках должна скрываться каверза. Давай, Дина, за встречу, за удачу.

– За любовь, – хмыкнула Алиса.

Под скучающим взглядом бармена, обтирающего стаканы грязным полотенцем, выпили.

– Мы можем провериться насчет слежки, – осторожно заметила Дина.

Туманов решительно кивнул:

– Обязательно. Допьем, доедим – проверимся. На ситуацию «с добрым утром» нас не купишь. Хотя не думаю, Дина, что мы такие глазастые. Это две большие разницы – рядовая слежка и грамотное наблюдение. Если за дело взялись специалисты, мы их никогда не запеленгуем. Кстати, дитя, – обратился он строгим тоном к жадно жующей Алисе, – почему ты с нами?

– А где мне быть? – Алиса чуть не подавилась.

– По-хорошему ты должна быть у тетки. Не торопись, – Туманов постучал ее по спине. – Или у дяди Пети из... гм, «Бастиона». Пошли наши «хозяева» восточку твоей родне – сколько надо времени домчаться до Энска? Люди не бедные, прямой рейс – три часа лету. Или не так?

– От них дождешься, – пробурчала Алиса.

– Да нет, ты не права, – Туманов протестующе покачал головой. Коньяк уже ударил по мозгам. – Из соображений забрать под опеку безутешную сиротинушку и поскорее оприходовать квартиру. Но они не примчались. Значит, не сообщили. Не хотят. А почему?

– Откуда я знаю? – девчонка уткнулась в чашку с соком.

– Вот и мы не знаем. А ты и рада. До конца каникул полтора месяца. На романтику потянуло, Алиса? Ну и как оно, в четырех стенах, – романтично?

– Мне книжки давали, – огрызнулась Алиса, – Сначала я дралась, а потом читать стала. За ум взялась. Прочла «Наследник из Калькутты» Штильмарка, «Посол урус-шайтана» Малика, «Последнее суаре» какой-то Красибиной...

Туманов стал вдруг громко откашливаться. А Дина как-то съежилась и будто даже отчасти растворилась в воздухе, образовав вокруг стола задумчивую худосочную дымку.

– Тетя Дина, вы куда? – испугалась Алиса.

– Штильмарк – хорошо-о, – протянул Туманов. – И Малик – хорошо-о...

– Мы говорили о другом, – робко заметила Дина.

– Ага, трошки отвлеклись, – Туманов взялся за бутылку. – По последненькой. Нас муржили неделю, вытрясли информацию и в очередной раз замутили воду. Отпустить, чтобы снова взять, – глупо. И сдавать нас Ордену вроде незачем. Хотя и непонятно, почему они тебе так откровенно рассказывали о последних достижениях конторы – где кого прижали, что собираются делать... Может, туфту прогнали?

– Зачем? – Дина отпила глоток, перекривилась и отставила рюмку. – Информация легко проверяется. Ты забыл про пакет?

Красилина многозначительно похлопала по висящей на спинке стула сумке. Туманов помнил – там лежала перетянутая скотчем штуковина размером с приличную книгу. Мелкая услуга – пролетая транзитом через Стамбул («посылая всех к едрене фене...»), они должны передать его по оговоренному адресу. Не то аптека, не то лавочка в лабиринтах Старого города. Не причина, конечно, чтобы отпускать их с миром... Хотя кто знает?

– Что там?

- Бумаги. Похоже на книгу в мягком переплете.
- Отгадай загадку: не часы, а тикают?
- Ерунда, Пашенька. Не проще ли поставить нас к стенке?
- М-да, – он почесал затылок, – Проще. Придется распечатать.
- Так не договаривались.
- Да брось ты, Дина. Мы никак не договаривались, – Туманов раздраженно смахнул с носа бусинку пота. В помещении становилось жарковато. – Какие проблемы? На таможне все равно заставят раскрыть.
- Хорошо, – чуть поколебавшись, согласилась Дина, – распечатаем. Дай нож.
- Да ты с ума сошла... Не здесь же. Жуйте быстрее и уходим.

Ситуация не могла не интриговать. Беглецам вернули загранпаспорта семейства Эрлихов, даже не поинтересовавшись, на кой им сдались эти бумажки, если прочие документы выписаны на другие имена. Про грека Антонида и его умение превращать деньги в пропускной силы листочки Туманов не упоминал. Что бы тогда сие значило? Им действительно наплевать? Или уверены, что беглецы никуда не денутся?

Слежку, разумеется, не обнаружили. Ни на остановке, ни в транспорте. Последний ходил кое-как. Частники не останавливались. Пару раз проходили ведомственные автобусы, основательно набитые «своими», останавливались далеко за светофором – беги не беги, а все равно не влезешь. Пол-остановки с отчаяния рванули, да там и остались, образовав отколовшуюся от основной массы людей группу. На счастье, подошла каракатица в гармошку – водитель сжалился, приоткрыл дверцы. Вошло человек восемь. Остальные, не нашедшие пространства, посыпались с подножек. Кое-как закрылись, поехали.

- Где Алиса?.. – прохрипел Туманов, разводя локтями сограждан.
- Где-то рядом... – простионала Дина – Подо мной... Или под тобой... Тувинским горловым пением занимается, слышишь?
- Мрак, – прокомментировал Павел ситуацию, когда автобус черепашьям ходом перебрался на левый берег и они выпали на посадочную платформу, как фарш из мясорубки. – И это тихое обеденное время. А что происходит в часы пик? Непонятно.

Туманов потащил обессиленных спутниц в ближайший супермаркет (Дина жаловалась на «невыносимую мигрень», Алиса требовала лимон). В зале с полупустыми полками сунул под нос добродушному охраннику корочки «Сибeko», молча кивнул на дверь «посторонним вход воспрещен». Тот пожал плечами: давай, но по-быстрому. Поспешно прошли черными ходами, выбрались в П-образный дворик. На торце ближайшей пятиэтажки разгружалась импортная фура – бомжеватые дядьки таскали трехпудовые мешки с мукой.

- Куда?.. – дернулся было пузан, накручивающий на палец массивную цепь с ключами.
- Ревизия в пищеблок! – рыкнул Туманов.

Покуда лабазник допер, что его сомнения правомерны, а пищеблок – это за углом, Туманов провел свою компанию по прежней цепочке – черный ход, склад, администрация, торговый зал – и, подмигнув хорошенькой девчужке, сидящей на крупах, покинул бакалею. Житейская мудрость подсказывала – сделанного мало. За углом магазина в моторе директорского «рафика» ковырялся щегольски одетый парень. Туманов мысленно прикинул: если это авто подставное, то его хозяева – гении похлеще Дали.

- На площадь Маркса, сиюминутно, – возвестил он в открытое «забрало».
- Щеголь постучал перстнем по лбу:
- Охренел, дядя? Крыша прохудилась?
- Понял, – не стал ругаться Туманов. – Для тебя три «косаря» не деньги.
- Момент, дядя, – пижон вздрогнул. Судорожно закрутил свечу. – Прошу в салон. Раз, два и готов.

– Ты Гагарин, я Титов, – хихикнула Алиса.

Объехав дважды вокруг площади, пересели на шустрю «копейку» с кемеровскими номерами и вернулись обратно. Пешком дошли до гостиницы «Уют» – четырехэтажного серо-кирпичного здания на окраине Горского жилмассива.

– Номер чистый, опрятный, с двумя комнатами, – высказал Туманов свои пожелания морщинистому служителю с двумя пальцами на правой руке.

– Нет номеров, – печально вымолвил беспальный, отрываясь от газеты.

– Не гневи бога, голубчик, – Туманов выложил на стойку стодолларовую купюру. – А сейчас есть?

– Сейчас есть, – служитель двумя перстами прибрал денежку и виртуозно сложил ее вчетверо. После чего она куда-то пропала.

– Ловко, – восхитилась Алиса. – Научите?

– Если папа с мамой разрешат, – «портъе» едва заметно улыбнулся. – Ваш номер 314-й – на третьем этаже, по коридору направо. Номер люкс. Холодная вода идет рывками, о горячей забыли. Не хотите – не берите. Оплата – две тысячи.

– В час? – ядовито уточнила Дина.

– В сутки, – служитель стер с лица улыбку. – Для нежелающих регистрироваться – льготный тариф. Двойной.

Придя в номер, Алиса выложила во всеуслышание, что подобным закоренелым мздоимцам она будет делать «колумбийские галстуки», а потом развешивать для просушки на всех телеграфных столбах, чтобы знали. После этого, утробно ворча, ушла принимать холодный душ рывками, а Туманов разрезал пакет.

Под целлофановой оберткой действительно скрывалась книга. Возможно, оригинал когда-то и имел ценность, но данный предмет относился лишь к его перепечатке. Пусть и полиграфически безупречный, выполненный на хорошем оборудовании, но всего лишь копия.

Старославянский текст чередовался с греческими пояснениями. Оба ни о чем не говорили. Картинки, выполненные в духе древнего богомаза, изображали то сценки смертоубийства, то какие-то бытовые мотивы – с собаками, кошками и коровами, с чугунками на огне. Бумага плотная, глянцева, края листов стилизованы под оклады икон, а из цветов – преобладает золотистый, с блестками кармина.

Книжонка тянула килограмма на полтора. Туманов перетряс страницы и нашел кассовый чек. Магазин «Букинист», наименование изделия – «Послушание и Бытие». Адаптировано для иноземного читателя. Цена 3220 рублей. На форзаце красным по белому выдавлено: издательство «Божье дело».

– Пустышка, – заключил Туманов. – Вещица дорогая, но абсолютно никчемная. Можно вывозить. А лучше выбросить. Готов поклясться – она ничего не значит. Липа.

– Я бы предпочла сценки разврата, – призналась Дина. – Например, японские миниатюры с качелями. Или репродукции, изображающие старинные индейские забавы, в смысле обряды.

Туманов улыбнулся:

– Уже потягивает?

Красилина скромно потупилась:

– Немного. Мне кажется, я начинаю понимать, почему для зэка мысль о сексе – то же, что озверин для кота Леопольда.

– Послушай, – удивился Павел, – а как ты прожила четыре года, если шесть дней для тебя стали пыткой? Ты не слишком увлекалась этим делом, нет?

– Глупый ты, Туманов, – Дина сняла через голову куртку и стала угрожающе приближаться. – Я бы посоветовала тебе заняться делом и уяснить в конце концов, что Алиса не будет сидеть до утра в холодном душе...

Он улыбнулся – широко и глупо.

– А здесь нет качелей, Дина...

От них несло тюремным бытом, но вонь изоляции лишь обостряла пикантность ситуации. Время уносилось в бездонную трубу удовольствий. Когда Туманов опомнился, его любовь до гроба мирно ворочалась под мышкой и бормотала какие-то глупости, а дверь в ванную, подпертая шваброй, содрогалась от пинков...

После обеда он съездил в «Греческую кухню» к Антонида, строго наказав своим дамам забаррикадироваться и держать оборону. Через два часа вернулся – сияющий, как начищенный сапог. Алиса орудовала его ножом – вырезала на подоконнике неприличные слова. Дина терпеливо ждала – ее фигурка в позе лотоса посреди кровати красноречиво говорила о смирении.

– Предлагаю вам свою морщинистую старческую руку, – радостно выпалил Туманов, отбирая у Алисы нож. – Могу и сердце, но это потом. Грек Антонида взял за работу тысячу баксов. Плюс двести за срочность, триста за качество и пятьсот за сложность. Слежки не было, я проверился. Поэтому предлагаю не искушать судьбу. Уходим из гостиницы и едем в частный сектор, к старушкам. Документы будут готовы послезавтра. Мы – семейство Эрлихов, выезжающее на отдых в Анатолию. Алисе шестнадцать лет. Ты должна выдержать это испытание, Алиса.

– Так мне уже можно? – встрепенулась девчонка.

Туманов вперился в нее колючим взглядом:

– Еще раз услышу, Алиса, буду наказывать. Любовью надо заниматься только в том случае, когда она нечаянно нагрянет, и ни днем ранее – запомни.

– Ты настоящий Омар Хайям, – похвалила Дина. – Мудрый и...

– И древний. Получив документы, мы не будем рисковать, найдем машину и поедем в ближайший крупный город, где есть международный терминал. Предлагается Омск. Если у кого имеются другие предложения, я внимательно слушаю. И отвергаю.

– А это? – Дина с опаской покосилась на книгу, валяющуюся в углу.

Туманов пожал плечами:

– Выбросим. Не вижу смысла таскать под мышкой сомнительные раритеты. Время примитивных кодов и шифров закончилось, мы живем не в пещерном веке. Если эта штукавина что-то и значит, то я не знаю, что, а потому ее боюсь. Но скорее всего она примитивная липа. Для вящего успокоения – чтобы поменьше дергались. Кстати, почему бы вам не проверить свою одежду – на предмет подслушивающих тварей? Не забывайте, подруги, прогресс идет семимильными шагами, сюрпризы обретают самые невероятные формы. И раз уж мы решили страховаться всерьез...

Стук в дверь – как гром среди ясного неба. На дворе темнеет, вещи собраны, и меньше всего хочется окунуться в новый ужас... Алиса ахнула и прижала к губам ладошку. Дина непроизвольно дернулась – какая-то дамская мелочь, завернутая в ночную сорочку, упала с кровати на грязный пол.

– Спокойно, бабоньки, – Туманов распахнул дверь. Интуиция работала: брать придут – стучать не будут.

На пороге вопросительным крючком мялся фокусник-«портъ».

– К телефону вас, товарищ, – двухпалая конечность, согнутая в локте, почесывала впалый живот.

– Да иди ты, – сказал Туманов. – Почему меня?

Служитель пожал птичьими плечами:

– Мужчина до сорока, крепко сложенный, седина – ранняя, рубашка – милицейская...

Это не вы, товарищ?

– Я один такой?

Двухпалый кивнул:

- Один...
- Сергей Андреевич... – молодой голос, дрожащий и отчасти знакомый, раздался так громко и отчетливо, что пришлось отвести трубку. – Здравствуйте...
- Приветствую.
- Это правда вы?
- М-м... Это правда я.
- Это Санчо... Вы меня помните?
- Кто-кто? – Туманов облокотился на стойку портье. Служитель стоял у окна и делал вид, будто работает с бумагами.
- Санчо... Ну, Саня Зябликов. Я в аспирантуре учусь, на юридическом. Помните, вы меня в спортзале на Костычева тренировали? А еще в гости к Ивану Михалычу приходили, чай с мелиссой пили...
- Юристу, ты, что ли? – дошло до Туманова.
- Так точно, Сергей Андреевич... Я так рад вас слышать...
- О, а я как рад, – пробормотал Туманов. Неожиданность была из разряда, прямо скажем, обескураживающих. Внучок архивариуса, под чутким руководством Туманова за полтора месяца возвращенный из дохлой веточки в упругий стебелек, – фигура, конечно, малозначительная. Но откуда она взялась – в том пространстве, куда случайных персонажей не допускают?
- Сергей Андреевич, вы меня слышите?
- Туманов очнулся:
- Ты как меня нашел, Санчо?
- В телефонном справочнике, Сергей Андреевич... Нет, серьезно. Я вас видел. Вы заходили в гостиницу «Уют». И я подумал...
- Не ври, Санчо!
- Внучок стушевался. Но быстро сообразил:
- Да никакого вранья, Сергей Андреевич. Около шести часов, я как раз возвращался от Юльки Саблиной с Горского массива... – внучок застенчиво покашлял. – Ну, это подружка моя, я к ней хожу иногда, и мы это... – отрок застенчиво хихикнул. – Танцы с Саблиной, словом. А вы как раз входили в гостиницу, в синей рубашке, синих брюках и без вещей. Вот я и подумал, что вы там живете...
- Дальше, – смягчился Туманов. В принципе сходилось. Около шести вечера он возвращался от Антонида. Откровенной слезки не было, но выходящего из близлежащей арки пацана он мог и проворонить. Мало ли их, пацанов.
- Я про вас Ивану Михалычу рассказал. Он так обрадовался, встал с кровати... И сразу просил передать, чтобы вы к нему всенепременно зашли. Он так и сказал – всенепременно.
- Не тарахти. Как он?
- Плохо... С тех пор как вы уехали, часто о вас вспоминал, все хотел встретиться. Совсем болен стал Иван Михайлович. Почки отказывают, ноги слабеют. По дому ходит, а дальше уже ни в какую. На крылечко выйдет, посидит и опять в дом – к своим бумажкам... Вы бы и впрямь зашли, Сергей Андреевич, навести старика. Врачи говорят, совсем мало ему осталось. Девяносто лет, с этим возрастом не шутят.
- В последние дни к нему кто-нибудь приходил?
- Внучок помялся:
- Я не совсем в курсе, Сергей Андреевич. Живу в мансарде, выход отдельный. Но сколько ни спускался к Ивану Михайловичу, кроме сиделки, никого не видел. Вы придете?
- Посмотрим. Как там у вас в спортзале говорят буддисты: – «Человек предполагает, а пространство располагает»? Ты сам-то как?
- Паренек заметно оживился:

– Отлично, Сергей Андреевич. Вы знаете, я продолжаю по четвергам и субботам ходить на Костычева, меня записали в полусредний, и ребята говорят, что если так пойдет дальше...

На середине фразы вдруг прорезались гудки. Чудеса на линии. Туманов задумчиво уставился на трубку. Странно, интуиция не была в рельсу.

Вдова Светка Губская открыла дверь после третьего настойчивого звонка. Угрюмо обогрела всех по очереди, дольше всех рассматривала Туманова и вздохнула протяжным вздохом. Потянуло спиртным.

– Здравствуй, Светка, – поздоровался Туманов.

– Здравствуй, Туманов, – выдавила Губская. – Смотрю я на тебя – и завидки берут. Время тебя не берет. Заходите.

У нее имелась веская причина печалиться. За полгода, что они не виделись, Светка поправилась еще больше. На прежнее сало narосло новое. Лицо заплыло. Начинался какой-то патологический процесс в костях – ноги, ниже халата, обрастали синеватыми буграми. Выделялись сухожилия, выпирали костяшки щиколоток.

Туманов смущенно поднял глаза:

– Извини, Света, недосуг. У тебя деньги есть?

Вдова насмешливо прищурилась:

– Занять хочешь? Тебе в фунтах, в динарах? Или, может быть, в крузейро?.. А я-то думала, что ты финансово независим.

– Какая ты ядовитая. Дать хочу.

– Давай, – Губская в знак согласия кивнула.

Туманов извлек из пистончика заранее отслюнявленные три тысячи рублей. Светка удивилась:

– Ты серьезно?

Рука машинально потянулась к деньгам. Скучное жалованье дворничихи и символическая приплата за мытье клуба железнодорожников как-то не располагают к отказу от денег.

Туманов кивнул:

– Серьезно. Забирай. Твой сынок как, не бунит?

– Дениска-то? – Светка торопливо спрятала деньги в халат. – А что?

– Да вот, хотим ему няньку присобачить, – Туманов выдвинул из-за спины Алису и нежно подтолкнул ее коленом вперед. – Возьмешь? Платить ей не надо, сами заплатим.

– Так вот что ты задумал, Туманов, – проворчала Алиса, бодливо наклоняя голову. – На, боже, что нам не гоже. А я-то дура...

– Рановато ей в няньки, – Светка, нахмурясь, вперилась в Алису. – Кто она тебе, Туманов?

– Да так, – ответил он неопределенно. – Племянница. По линии генеральской курицы. Нет, Света, серьезно, пусть установят контакт разумов. – Он, как решительный довод, добавил к деньгам тысячу. – Это на прокорм детенышу. Отзывается на имя Алиса, возраст нежный, из аргументов понимает ремень. Пусть поживет у тебя денек или два, хорошо, Свет?

– Да пусть живет, – вдова пожала плечами. – Взяла бы и без денег. Я ж не злыдня.

– Извини, – Туманов улыбнулся. – Мы пойдем. Алиса, слушайся тетю. Она тебе худого не пожелает. И не груби ей.

– Если завтра, в это же время, меня не заберут, я поднимаю пиратский флаг, – твердо сообщила Алиса и, гордо задрав нос, прошествовала мимо Светки в прихожую.

Все печально посмотрели ей вслед.

– Вы вообще откуда? – поинтересовалась Светка, переводя глаза на Дину.

– Из леса, – ляпнула Красилина.

Туманов потянул ее за руку:

– Пойдем. Пока, Света. Счастливо. Родина тебя не забудет.
Громкое фырканье в спину было своего рода прощанием.

– Как же, Туманов. Не забудет. И не вспомнит, гадюка...

На улице Дина припала к его, Павла, плечу, обняла за пояс.

– Туманов, мы с тобой опять становимся клиническими авантюристами... Что тебя тянет к этому старцу? Ты уверен, что он не в деле?

Туманов не ответил. Что он мог ответить? То, что лучше быть клиническим авантюристом, чем отпетым романтиком?

Больше всего на свете он мечтал уехать. Избавиться от друзей, от врагов, от равнодушных, провести вторую половину жизни в местах, изрядно отдаленных, под крылышком любимой женщины. Но ни с чем не расстается человек так мучительно, как со своим прошлым. И ничто его не раздирает так сильно, как любопытство. Ни намеки, ни инструкции, снабженные краткими пояснениями, а конкретные ответы: что же есть та сила, затянувшая страну в многовековое болото...

Частный дом на Бестужева соответствовал всем канонам советского зодчества. Серый силикатный кирпич, два этажа, белая сирень под стандартными окнами. Вдоль забора – многолетняя траншея (две эпохи назад планировали уложить телефонный кабель, но окончательная цена на подключение трижды превзошла оговоренную, и жители просто отказались от связи с миром). Интерьер же – полная противоположность. Типично английский вариант: жилье небогатого сэра, давно состарившегося, не ищущего земных утех и в ожидании конца живущего прошлым.

– Вы видели эти ящики, Сережа, – вопреки представлениям, старикан не был настроен эмоционально. Он сидел спиной к нерабочему камину, укрытый одеялом, – эдакий Шерлок Холмс на десятом десятке, и вместо сложной трубки курил простую папиросу – аккуратно продутую и в мундштуке любовно сплюснутую. – Вы даже раскрывали кое-какие бумаги, Сережа... Вы не против, что я называю вас Сережей? – морщинки на верхней части продолговатого черепа разъехались, и показались щелевидные углубления – глаза.

– А почему бы и нет? – удивился Туманов.

– Потому что это не настоящее ваше имя, – старик припал к папиросе. Серо-желтый дым, похожий на выделения из раздавленного сухого дождевика, окутал комнату, стелился вверх, по высоким книжным шкафам.

Туманов покосился на Дину, уютно утопающую в массивном кресле. Она не смотрела на него – цветастый фотоальбом «Чехословакия» с обмусоленной обложкой, лежащий на коленях, не позволял отвлекаться на пустяки.

– Я видел вашу реакцию на мои архивы, Сережа, – тягуче продолжал Иван Михайлович Воробьев. – Вы смелый человек, но испытали страх. Отсюда я сделал вывод – вам не впервые сталкиваться с данным... м-м феноменом. И, возможно, на определенном этапе он крепко подпортил вашу жизнь. Очень жаль, что вы тогда уехали, очень жаль... – старик с сожалением сделал последнюю затяжку и потушил папиросу в граненой пепельнице. – В этом доме есть персональный компьютер и неплохая база данных. Уж извините старика, но с помощью Санечки – внучка – а он, уверяю вас, талантливый хакер – я вышел на файлы «Сибeko» и откопал ваше личное досье. Такое ощущение, что вы вчера родились. М-да... – старик раскрыл портсигар из тусклого металла и не спеша извлек еще одну папиросу. – У старого чудака, одной ногой стоящего в могиле, масса свободного времени, Сережа. Я влез в архивы МВД, ФСБ, в информационный склад бывшего ГАУ при ЦК НПФ (некоторые считают, что такого уже нет) и в доступные только мне информационные банки еще одной организации, о которой вы, судя по вашим глазам и вашему поведению, вспоминать бы не хотели, – проследив за реакцией Туманова, старик трескуче рассмеялся. – Не волнуйтесь, это не компьютерные банки, таковых в

природе не существует, потому что организация, о коей мы ведем речь, вроде как тайная. Ее информационные банки – это пять обитых железом ящичков, хранящихся в подвале. Там, как в Сезаме, Сережа, есть буквально все... И даже новейшая информация, очень мною лелеемая. Она периодически пополняется. Так вот, в вышеупомянутых архивах ваше фото весьма популярно. Вы провели бурные пять лет жизни, Павел Игоревич Туманов...

– Я так и знала, что этим кончится, – печально сказала Дина, закрывая альбом.

Старик улыбнулся:

– Вы хотите сказать, Любовь Александровна, что петух прокукарекал? Ну что вы, дорогие, вам совершенно незачем меня бояться. Иван Михайлович Воробьев – догнивающий архивный червь, никому не желающий зла. Его дело – информация. А применение этой информации – уж увольте, я могу ее, конечно, передавать заинтересованным лицам, но никогда не поступлюсь теми этическими принципами, которые считаю незыблемыми.

– Мои пять лет – чистое безумие, вызванное случайностью, – пробормотал Туманов.

Но лицу старика пробежала тень. Но он продолжал улыбаться.

– Безумие, Павел Игоревич, – это тянущая боль, когда не в порядке суставы. Это сверлящая боль – от закупорки сосудов. А также стреляющая и жгучая – когда сильно раздражены нервы... А случайность – пустынный мираж. Ее не бывает. Любая случайность – порождение всеми забытой закономерности.

– Я не понимаю вас, – Туманов раздраженно поморщился.

– Объясняю. Ваши беды не случайны. И даже ваше появление на свет было отчасти запланировано и обусловлено протеканием одной весьма любопытной операции. Ее назвали «Отбор предков. Список А». Сорок восьмой год, если не ошибаюсь. Вы с рождения, Павел Игоревич, были подопытным кроликом рассматриваемой нами организации. Нравится вам это или нет.

Туманов открыл рот. Дина вполголоса выругалась. Или наоборот.

В дверь постучали.

– Да-да, Зоенька, – старик встрепнулся.

Вошла скромно одетая женщина лет сорока. Строго взглянула на гостей, потом на хозяйку:

– Уже десять часов, Иван Михайлович. Мне кажется, пора проводить процедуру и укладываться спать. А гости пусть придут завтра.

– Ах, Зоенька, – мягко протянул старик. – Нам не дано узнать, что будет завтра. Так давайте сделаем исключение, хорошо? Мы еще часок позанимаемся, а завтра на часок подольше поспим. Я очень неплохо себя чувствую, вы же видите. Вы не поверите, Зоенька, общение – великий жизненный стимул.

«Домомучительница» неодобрительно покачала головой. При внимательном рассмотрении ее глаза оказались не такими уж строгими.

– Хорошо, – произнесла она с достоинством. – Однако назавтра вы обещаете быть паинькой, Иван Михайлович, не так ли?

– Всенепременно, – старик покорно склонил голову.

Женщина вышла.

– Зоя Ивановна, сиделка, – улыбнулся старик. – А также наставница, стряпуха, компаньонка и строгий завуч. Облучает вашего покорного слугу ионами, словно витаминами. Я устал ей повторять, что ионизацией можно удалить второй подбородок, а в моем возрасте самое время думать не о красоте, а о скромном уголке на кладбище.

Он замолчал, и наступила многозначительная пауза. Где-то далеко, за пределами садового участка, раздавался многоголосый гам.

– Табор на опушке, – прокомментировал старик. – И турнуть некому. Милицию купили с потрохами. Приезжают летом и живут до осени, пока все наркотики не распродадут. Чуть

сезон – сплошное наказание: из дома лучше не выходить, у этих цыган разведка – сущий абвер. Не успеешь выйти – вмиг обчистят квартиру.

Казалось, он намеренно тянет время, заставляя собеседников нервничать. Опять настала тишина, нарушаемая шелестом секундной стрелки на висячих часах.

– Их задача – прибрать к рукам как можно больше, – после паузы продолжал старец. – И всю свою историю они уверенно идут к намеченной издревле цели. Но, как и большинство тайных обществ, много мнящих о своей богоизбранности, то и дело спотыкаются... Я собрал неплохое досье на этих ребят. Разумеется, в этом не только моя заслуга. Многие помогали. Полковник КГБ Харитонов. Погиб в Афганистане... Борис Иосифович Ряжкин – доцент кафедры марксистско-ленинской истории – зачах в сумасшедшем доме... – старик невесело ухмыльнулся, закрыл глаза. – Иных уж нет, а тех долечим... Арабелла Шендрик, дотошный архивный червь – странная, с точки зрения ГАИ, авария в семьдесят третьем на Ставропольском шоссе, в момент проведения краевой партконференции... Мой сын, Федор Иванович Воробьев, майор ПГУ КГБ, сотрудник резидентуры в столице Союза Сомалийских Социалистических Республик Могадишо... – старик с надрывным хрипом втянул воздух в прокуренные легкие. – Погиб в семьдесят седьмом, когда выяснилось, что симпатии Москвы отданы социалистической Эфиопии – еще до 20 ноября, когда в гавани пришвартовался военный транспорт и адмирал Хронопуло высадил в столице «СССР № 2» морскую пехоту... Есть и сейчас люди, но я о них говорить не буду, они и так сильно рискуют... Досье солидное, хотя, возможно, и не полное, настаивать не буду. Но то, что начали сыщики Лаврентия Палыча, успешно анализировалось и пополнялось в последующие годы. Мы знаем о трех проектах организации в новейшей истории. Условно их называют «Лаборатория», «Импэкс» и «Питомник». Эксперимент «Лаборатория» благополучно провалился – времена НПФ, провернувшего немало «славных дел», канули в Лету... Проект «Импэкс», насколько я информирован, успешно претворяется в жизнь, одно из главных его направлений – популяризация на Западе вещества, выдаваемого за наркотик, – развивается по плану и с требуемой глобализацией. Проект «Питомник» (или программа «Эпсилон»), до нужного времени умными людьми законсервированный и заработавший лишь сейчас, – наиболее толковая и продуманная часть большой работы. Хотя и отдающая своего рода мистикой. А может, не мистикой, как знать... Судите сами. Проект был начат под опекой организации силами ГБ весной 48-го года. В некий статистический центр стекалась информация о несчастных случаях. О всевозможных. И о людях, в них участвовавших. Покойники не интересовали. Только те, кто в момент ЧП не оказались (хотя и должны были) под рухнувшей стеной, в сошедшем с рельс поезде, в шахте в момент взрыва, в зоне поражения рванувшей бомбы... Из них отбирались сохранившие, назло вероятности, жизнь и здоровье – благодаря предвидению, мгновенной реакции, везению. Проверляли биографии – не было ли похожих случаев. Отсеивали тех, кто по возрасту или состоянию здоровья не годился в «производители». Организовывали липовые ЧП – обвалы, пожары, автокатастрофы, нападения «хулиганов». Прошедших испытание проверяли на лояльность. Выдержавших испытание заносили в список – так называемый список А. И в итоге – по всему огромному Союзу выделили 18 тысяч человек – абсолютно нормальных, здоровых, неглупых и в принципе лояльных к Советской власти (не забывайте, дело формально вели гэбисты).

– И они пошли на такую ерунду? – недоверчиво сказала Дина.

Старик снисходительно улыбнулся:

– Если рассматривать одно поколение, несомненно, проект выглядит ерундой. Но мыто имеем не одно, а целых четыре поколения. Не забывайте о прошедших годах. Чем дольше срок, тем вернее «живучесть» – результат уже не случайности, а наследственности. Однако пойдём по порядку. С 54-го года начинается опека над детьми фигурантов вышеупомянутого списка. Естественно, не бросающаяся в глаза, но довольно дотошная. 67-й год – Андропов уже освоился в роли Председателя КГБ – происходит отбор «производителей» второго поколения

– список «Бета». Бывшие детишки, не имея ни особого блага, ни выдающихся заслуг, обзаводятся сносной работой, попадают в льготные очереди на улучшение жилищных условий. Но радость от приобретения недостижимой мечты большинства городских жителей – девять метров на брата – омрачали бесконечные медкомиссии. Понятно, не персональные – «Бета» проходили их вместе с коллегами. Причем в отличие от чистого формализма, которым отличались медицинские обследования в СССР, здесь попадались на редкость въедливые врачи. А больше всего докучали четырем сотням пар, где муж и жена оба входили в список. И ничего, кстати, удивительного – существовало, организовать встречу двух людей в нужной обстановке – пустяк для спецслужб. А будь в СССР развита служба знакомств, пар оказалось бы куда больше..

Старик передохнул, помолчал. В голове у Туманова образовалась гулкая барабанная пустота. И Дина посматривала на него как-то странно – то ли с жалостью, то ли жалобно. «Зря пришли», – мелькнуло в голове Павла.

– Впрочем, две трети «бета»-браков окончились разводом. Но организаторы не расстраивались: большая часть разведенных успела нарожать детей – список «Гамма»... – Старик вскинул глаза. И будто выплюнул: – Одним из них были вы, Павел Игоревич.

Туманов молчал. Он уже понял, куда клонит старик.

– Перед вашим приходом я покопался в старых архивах... Анна Дмитриевна (в девичестве Прохоренко) и Игорь Артемьевич Тумановы. Погибли при взлете в аэропорту города Чебоксары – в августе 72-го года, оставив после себя восьмилетнего сына Павла и 14-летнюю дочь Светлану.

– Но сестра... – начал было Туманов.

Старик шевельнулся:

– Плотно взялись только за четвертое поколение – в 92-м году. Третье не трогали, оно ни о чем не подозревало. Да и вообще этот список «Гамма» предоставили самому себе. Вы же не ощущали за собой надзора, Павел Игоревич? В 83-м вас лишь проверили, отсеяли слабых и генетически больных, недоразвитых, а заодно и тех, чьи родители были сочтены «антисоветски настроенными». Последнее, конечно, глупо, но пришлось. Впрочем, отсеивали не за анекдоты – иначе пришлось бы вычеркивать все сто процентов.

Новая пауза. Тяжкие вздохи.

– Третьему поколению опять улучшили жилищные условия. Иногда их по глупости пытались использовать в качестве спецназа, но ничего достойного из этого не выходило, только зря сжигали «материал» в торопливых попытках получить суперменов уже сегодня. Афганистан, Эфиопия, Ангола. Масса никому не нужных смертей, инвалидностей, психологических травм... А вот за четвертое поколение взялись со своей щепетильностью. Напомню – 92-й год, никакого КГБ, никакой Советской власти. «Братство» продолжает операцию самостоятельно. У вас нет детей, Павел Игоревич, и это один из немногих случаев, когда отсутствие потомства для потенциальных родителей – божье благо. Искренне за вас рад. Ваш единственный племянник личность безусловно одаренная, но слабая здоровьем, думаю, от его «услуг» отказались. Вы помните, в одно из наших редких чаепитий вы рассказывали о своей родне, проживающей в Самаре? Так что я ничего не сочиняю. Деятельность отчасти перепрофилируется: вместо упора на спецназ – комплексное воспитание. К 92-му году, когда за дело берется «братство», на территории Российской Федерации проживает чуть более шести тысяч мальчиков и девочек из списка «Дельта» – окончательного списка, ради которого и заваривалась полувековая каша. Кого могли, пристроили в спецшколы. Остальных – в обычные учебные заведения, но и эти обычные держали первые места по здоровью детей, спортивным достижениям и количеству факультативов. «Дельта» тянули – в учебе, здоровье, спорте, но по понятным причинам не персонально, а вместе с одноклассниками, тщательно фиксируя показания объекта и контрольной группы. Подбирались учителя, репетиторы. Всевозможные компьютерные классы, специализированные летние лагеря, поездки за рубеж... Родителям – лапшу на уши: ваше чадо, мол,

бесконечно одаренный ребенок, и чем реже вы его будете видеть дома, а чаще в школе, тем лучше для всех. И обязательно – в боевую секцию: бокс, дзюдо, карате, что угодно – или вы предпочитаете вонючий подъезд в компании «потерянного поколения» и клея «Момент»?.. Нетрудно предугадать реакцию нормального родителя. В школе и дома у ребенка все нормально, появляется взрослый наставник, растет всесторонне развитая личность. Но вместе с тем протекают процессы, невидимые глазу родителя. Происходит психологическая, или, если угодно, психическая обработка ребенка. Исподволь внушается, что он не мелкая песчинка в безмерной громадине песчаной горы, а часть чего-то большего, что он приводной механизм, от вращения которого будет зависеть очень многое в этом мире. Дитю дается установка на супердержаву, на «Великую Россию», в которой он займет далеко не последнее место. Идет обработка на преданность – он еще не понимает, кому именно, но интуитивно чувствует, где нужно повиноваться, а где нет. Обучают драться, преодолевать страх, ломать защиту, находить выход из океана безвыходных положений... И в конечном итоге к шестнадцати годам вырастает вполне сформировавшийся объект. Он имеет свой шифр в военкоматском учете – через два года его ждет спецназ, и если выживет – дальнейшая весьма интересная жизнь...

– А смысл? – вклинилась в монолог Дина. – Или мало в стране ребят, готовых и умеющих драться?

Старик раскрыл портсигар. Костлявые ручонки стали заметно подрагивать. Из папиросы, извлеченной на свет, просыпался табак.

– В том и проблема, уважаемая Любовь Александровна. Мало хотеть и уметь драться. Мало быть умным и находчивым. Мало быть преданным и психологически готовым на самопожертвование. Нужно быть УДАЧЛИВЫМ.

– Ну уж... – усомнился Туманов.

– Абсолютно, – улыбнулся старик. – В тяжелом и неблагодарном деле завоевания мира очень часто предоставляется лишь одна попытка. И нужно взять эту планку так, чтобы потом не было мучительно обидно. Вы никогда не слышали про ген везучести?

Молчите, – кивнув, прокомментировал старик. – Значит, начинаете думать. Это отрадно. Ген везучести искали и ищут во всем мире. Горы свернули. И все впустую. А у нас вдруг взяли да нашли. Оказывается, ген везучестей – это никакой не ген, а элементарная теория вероятности, пропущенная через четыре поколения предрасположенных к везению людей. Можно, конечно, потерпеть и дождаться восьмого или даже десятого поколения, но, сдастся мне, в результате получатся какие-то всеокрушающие монстры, что совершенно ни к чему. Да и времени нет. «Мира» хочется не завтра, а уже сейчас... Вот вы, например, Павел Игоревич, – человек третьего поколения. Окунитесь в ретро, вспомните. Разве не так? Я не говорю про личную жизнь, и не про карьеру. Тут наука с медициной, как говорят, бессильны. Я имею в виду экстремальные ситуации и вашу в них непотопляемость. Сколько раз вам везло?

Везло, конечно, со страшной силой. Иногда он сам не понимал, почему до сих пор живет. Легкие травмы не считались, серьезными можно было пренебречь. Удачная раскрываемость в девяностых, которую он (чего греха таить) зачастую относил к своим особым талантам. Дикое везение пятилетней давности – побег из лаборатории Ордена; война, диверсионные акты, жизнь без имени, но с неплохим положением. Гибли друзья, товарищи, а он неизменно выходил сухим из воды. Взорванный автомобиль, и он в ста метрах – со стаканом водки. Неразбериха в стране, и он – комфортно отсиживается у вдовушки. Повальная безработица, и он – гениально просто вписывается в структуру «Сибеко». Тайга, новая база Ордена, бегство с Алисой и... неисчислимое множество ситуаций, из которых он не должен был – просто не имел права! – выйти живым. А встреча с Диной? (не идол же в этом виноват, ей-богу...) А беспрепятственная дорога в Лесосибирск? А очередной уход из-под «опеки» «Бастиона»?

Туманов схватился за голову и застыл в какой-то дурацкой позе нелепого, далеко не роде-новского мыслителя.

– А смысл? – заладила Красилина.

– Ну как же, – увидев правильную реакцию на свои слова, старик взбодрился. – Этих детишек продолжают где-то тренировать. Им лет по двадцать-двадцать пять, а кому и больше – то есть вполне взрослые, сформировавшиеся люди. По несколько раз в год они проходят специальное обучение на оборудованных базах. Под каким предлогом это осуществляется, я не знаю, да это и не суть важно. Полагаю, врать они обучены. Какие-нибудь «школы выживания», семинары по единоборствам, конференции компьютерных гениев – что хотите. И они не просто везунчики. Они идеальные солдаты, диверсанты, асы в химическом, ракетном, компьютерном, саперном, взрывном деле. Небольшие накачки наркотиками? – не исключаю. Хотя и не обязательно. Они и без того «классные парни» – кажется, так сейчас говорят?.. А что вы знаете о бурной деятельности, которую по всей стране да и по всему миру разворачивает «Росгиз»? Вам не кажется, что в действие вступает некое международное сообщество – иначе кто бы им позволил? А теперь представьте: группы вооруженных идеальных диверсантов захватывают законсервированные буровые где-нибудь в Соединенных Штатах или, скажем, действующие – в той же Норвегии или Кувейте. Грамотно минируют и начинают диктовать свою волю. Причем смерти они не боятся (пожалуйста, бросайте свои бомбы, скважины-то ваши), а штурмом их взять невозможно. И если такая катавасия происходит одновременно – да на всех значимых мировых месторождениях?..

– Не надо нам об этом рассказывать, – проворчал Туманов. – Мы все равно уезжаем.

– Умелая программа – прежде всего, – словно не слыша его, продолжал старик. – Наладить международные связи – в той же ОПЕК, Госдепартаменте, ООН, – подтянуть тылы и вовремя ликвидировать главных конкурентов. А ликвидировали их блестяще – под видом массовой активности и под предлогом доведения страны до точки.

Дина сменила выражение лица. Теперь вместо недоверчивости оно отражало сомнение: уж больно старикан информирован. И это не выходя из дома?

– Мятежники объясняли свои действия грядущим голодом и вот-вот сработавшей цепью техногенных катастроф, – блеснул умом Туманов.

– Бросьте, – отмахнулся Иван Михайлович, – В такую чушь может поверить только человек, незнакомый с историей и обычаями этой страны. Какой голод? Голод в России можно вызвать лишь искусственным путем, и если очень того захотеть. Например, Украина, 33-й год. Или война, нехватка продуктов в тылу – когда львиная доля съедобного уходила на фронт и там бездарно гробилась. Естественно, кому-то этого хотелось. Но примеров немного. В современной России можно испытывать нехватку средств и даже поддаться на уговоры, что все ужасно плохо (особенно когда ничего не хочется делать), но никогда эта страна по доброй воле не станет голодать. Слишком уж велики ее ресурсы. Изворотлив ее народ. А техногенные катастрофы? Прошу прощения за выражение, Любовь Александровна, но это мог придумать только полный мудака. В стране, где экономика компьютеризирована на один процент, автоматизирована на два, а механизирована на четыре, где всего лишь два доминирующих инструмента – кувалда и ключ «девять на двенадцать», – вести речь о цепочке техногенных катастроф? Моему уму сие непостижимо. Сломается автоматика, регулирующая движение поездов? Так поставьте, черт возьми, сотню баб с желтыми флажками: движение наладится, уверяю вас. Вышел из строя агрегат, питающий напряжением крупный производственный комплекс? Поднимите дядю Борю-электрика, опохмелите его, пообещайте добавки – будет вам питание. А пока дядя Боря чешется, откопайте запасной генератор в котельной – он там уж четверть века валяется...

– Вы утрируете, – недовольно заметил Туманов.

– Немного, – согласился старик. – Но Россия была и остается Россией. Что для Запада смерть, для нее пчелиный укус. Больно, но не летально. Ее может перевернуть только мощная сила. Воля и незаурядный ум. Все остальное – трин-трава...

– Минутку, – вмешалась Дина, – это пустые словоблудия. Мы здесь не за этим... Хотя, собственно, и неясно, зачем мы здесь. Но тем не менее у меня к вам просьба, Иван Михайлович.

Старик оживился:

– Я вас слушаю, милая дама.

– Сколько нужно времени для получения информации о фигурантах списка «Бета»?

– Пару минут, – старик пожал плечами. – Нужно спуститься в подвал и воспользоваться определенной программой. Вся информация – на одной полке...

– Отлично. Так сделайте одолжение, – Дина откинула голову и закрыла глаза. Похоже, она волновалась. – Ирина Сергеевна Головаш и Красилин Александр Тихонович...

Декорации поменялись. Теперь это был обитый досками опрятный подвал, освещенный галогенными лампами. Низкий диван, стулья, две двери. В углу современный компьютер со всеми положенными причиндалами. Дина сидела на диване в неестественно прямой позе и смотрела перед собой. В ее глазах стояли слезы.

– Ну, мамахен, ну спасибо... – бормотала она. – Ну, наградила... Ох, приеду я к тебе в Асино...

– Ты только не психуй, – предупредил ее Туманов. – Ну, подумаешь, проблема. До Антошки они не дотянутся – не уследили, поздно. Кому нужно – разыскивать его в эмиграции?

– Молодой человек прав, – заметил старик, кряхтя выбираясь из-за аппаратуры. – Если он живет за границей, вряд ли есть смысл его оттуда извлекать. Это глупо – учитывая, что по собственной стране бегают шесть тысяч подобных.

– Зато везунчик вырастет, – подбодрил Туманов, кладя руку ей на колено. – Весь в маманьку. Теперь ты понимаешь, Дина, почему мы с тобой встретились? Мы просто не могли не встретиться – это было бы противоестественно.

– Дурак ты... – прошептала Дина. – Не могу поверить... Так вот почему... – она вознесла глаза к потолку и стала вдруг медленно раскачиваться – словно тибетский монах в момент сакрального ритуала. – Так вот откуда гниет рыба... Мать однажды рассказывала, как они с отцом в тайге напоролись на браконьера. В медовый месяц. Тот перегородил речушку и взрывал тайменя. Мать шла первой, когда они вылетели на этого ублюдка... Тот перепугался, вскинул карабин – и осечка. Тут отец навалился, покатались с осыпи. Закончилось хеппи-эндом, отец оказался сильнее того тощего. А однажды она ловила такси. Подъехало пустое, с шашечками. Мамуля назвала адрес, и тут ее что-то прихлопнуло: не садись! Поймай другое! «Не поеду», – сказала она шоферу. Тот пожал плечами, тронулся с места... и буквально через десять метров из переулка вырвался «Зил» без тормозов. Сам набок, «Волга» в лепешку! – видимо, зримо представив нарисованную сцену, Красилина широко распахнула глаза. И опять застыла, будто изваяние.

– Вот же хренова контора! – воскликнул Туманов, причем совершенно непонятно было, восхищается он или негодует.

– Конторка любопытная, – согласился старик, опять принимаясь окуривать помещение едким дымом. – И с приличным стажем. Хотя и относительно. Вы знаете, кстати, Павел Игоревич, почему в тайные общества не допускают женщин?

– А их не допускают?

– Решительно. Психологическая, знаете ли, несовместимость. Женщины, не успев дожить до тридцати, стремятся выглядеть моложе. А тайные общества хотят казаться старше. Они величают себя Орденом, и неофиты дают клятву: «...именем предков наших – князей Севера, объединивших русскую землю во имя великой миссии...» Чушь. Вряд ли они способны проследить собственную генеалогию дальше прадеда. Им это и не нужно. Тем легче поверить в благородную кровь и почти божественное происхождение. К средневековому бандиту Рюрику они не имеют никакого отношения. Придумала Орден группа приближенных

Петра – во главе с неким бароном Шариповым – потомком далеко не князей, тем более Севера. В памяти Полтава, в памяти Гангут, непобедимая армия и боевой, пусть и сляпанный на живую нитку, флот. Группа составляет так называемый «Европейский проект». Впоследствии стараниями кавалера д'Иона вывезенный во Францию, этот документ стал известен как «Завещание Петра». Сломить Польшу, Швецию, Австрийскую империю, в перспективе Англию, Францию – и весь мир уляжется к ногам... Страна милитаризуется, но тут очень некстати умирает Петр. Недолго царствует Екатерина Первая, попавшая на трон прямым из обоза... Смерть Петра Второго, Верховный тайный совет, приглашение Анны Иоанновны – курляндской обжоры... Первая ошибка Ордена (потом их будет масса). Никакой оппозиции, никакой экспансии, уцелевшие авторы «Европейского проекта» уходят на дно и от нечего делать составляют новые проекты. Нельзя верить царям – цари смертны. Нужна организация, проводящая собственную политику – независимо от династической чехарды. Пишется устав. Начинается партийное строительство. Между делом налаживаются контакты с живущей в полуопале «дщерью Петровой» – Елизаветой. Не шибко умна, сексуально распушена, зато наследница. Прямая. А умные найдутся. Французы, остро нуждающиеся в русском пушечном мясе, подбрасывают денюжат. Смерть «обжоры» – и гвардия, которую поили не зря, возводит на престол Елизавету... В Польше – наши. Швеция разбита. Семилетняя война – русские войска в Берлине. Не опасаясь ссылки, проектеры избирают Капитул. Но тут умирает Елизавета. Ничего – имеется «Петрушка», обученный в Европе и сориентированный в Петербурге. Но у того, как выясняется, свои взгляды на текущий момент. Он хочет закрепиться на Северном море, ведет переговоры о мире и – о, боже! – составляет указ «О вольности дворянства», то есть отправляет Россию на один большой дембель. А кто Европу будет завоевывать? Взоры обращаются к Екатерине, которая мужа, мягко говоря, не любит. И жаждет царствовать самолично. Агитация, попойка в гвардии, переворот. Петр удушен шарфом, «Виват Россия!», а то, что с немкой на троне – детали... Оказалось, не детали. Слишком долго проектеры кисли в подполье, тешили самолюбие, побеждали в спорах с воображаемым противником и представить не могли, что найдется особа их хитрей и изворотливей. А Екатерина, наплевав на все договоренности, заключает мир с Фридрихом и отводит войска. Все. Орден в полных дураках на долгие годы. Восстановлена Тайная канцелярия во главе с садистом Шешковским, подавлено восстание Пугачева, раскрыт заговор Хрущева, заговор Мировича... Отменяется всякая вольница. Проходят десятилетия, прежде чем, почуяв дряхлость царицы, Орден начнет действовать. Братья Зубовы сговорчивы, наследник Павел – недалек и внушаем, дрожит от нетерпения и рвется все переломать. Так фас его!.. Турецкая война, присоединение Грузии. И Екатерина Великая, так удачно хлопнувшаяся с ночного горшка...

– У вас бледный вид, Иван Михайлович, вы не устали?

Старик осекся:

– Простите, Павел Игоревич, заболтался. Нет, не устал. Когда я седлаю любимого конька, то забываю о прожитых годах и очень неплохо себя чувствую.

– В таком случае продолжайте, – милостиво разрешил Туманов. – Возвращайтесь на своего Пегаса.

Старик рассмеялся:

– Спасибо. Я постараюсь покороче. Итак, на троне Павел. Издается «Учреждение об императорской фамилии» – отныне престол переходит от отца к старшему сыну, в отсутствие сыновей – к старшему из братьев, и никаких баб, хватит, натерпелись. Надежды Ордена начинают сбываться. Поход Александра Васильевича через Альпы. Модернизация артиллерии. Призыв на смотр дворянских детей. Полицейская реформа. Порядки казарменные, политика – яро наступательная. То, что надо... Но и Павел в итоге дает промашку. Знакомый с идеями и порядками Ордена, он решает загнать в Орден всю Россию. Не в тот, так в другой. И принимает – православный-то император! – титул покровителя Ордена св. Иоанна Иеруса-

лимского, находящегося под патронажем папы римского! А дальше – больше. От деклараций переходит к делу. Он стремится превратить аморфное, разленившееся при «женском правлении» российское дворянство в строгую пирамиду военно-монашеского ордена. Вот только с Орденом уже действующим – не согласовано. На вершине пирамиды император видит, естественно, себя. А Капитул предпочитает править сам, прикрываясь декоративным «венценосцем». В итоге – заговор. Вовлечены тысячи людей из разных подразделений, групп и ведомств – никто не выдает! Верные императору люди удалены из дворца – никто ничего не замечает! Толпа вооруженных людей беспрепятственно проходит во дворец, без помех забивает императора, а наутро объявляется во всеуслышание: император-де скончался от апоплексического удара. И никто не протестует. На арене Александр Первый. Предавший отца Павла (согласившись на низложение), стремится реабилитировать себя добрыми делами. Восстанавливает действие жалованных грамот дворянству и городам. Возвращает на службу исключенных без суда чиновников и офицеров. Освобождает из тюрем и ссылок жертв «Тайной экспедиции», а саму «экспедицию» – упраздняет. Запрещает пытки, разрешает выезд русских подданных за границу. Его советники откапывают проекты реформ, составленные еще при Павле и Екатерине. На полном серьезе обсуждается крестьянская реформа и даже появляется «Указ о вольных хлебопашцах». Все это трогательно, прекрасно, но реформатору быстро напоминают, что его не за тем сюда сажали. Приходится отрабатывать долги. С 1805 года Российская империя опять воюет с Наполеоном – в союзе с Австрией. А фронт под Аустерлицем. Война продолжается – уже в союзе с Пруссией. Иена, Ауэрштедт, победа при Прейсиш-Эйлау и новое поражение – при Фридланде. Тильзитский мир. Куда успешнее идут дела на других фронтах. 1809 год – присоединение Финляндии, май 1812-го – Бессарабия. Претензии Наполеона и давление Ордена не позволяют императору удерживаться в роли союзника Франции. Нашествие 1812 года – своего рода репетиция 1941-го: Наполеон не ставит на длительную войну, самопожертвование народа и огромные размеры страны (он на карту-то хоть смотрел?) не позволяют оккупантам удержать захваченное. Бородино. Огромные потери с обеих сторон. Отступление «Великой» армии, быстро переходящее в паническое бегство. Заграничный поход. Русские войска в Париже. Казаки на Елисейских Полях! Триумф «Европейского прожекта» – но в теории. А на деле? А на деле разруха, голод, опустошение. Надорвавшейся от страшного напряжения России не то что Европу завоевывать – себя бы защитить. Венский конгресс, по решению которого Россия получает остатки Польши – по мнению Ордена, за такую победу нужно просто морду бить... Новые заговоры. Александр пытается маневрировать, вводит военные поселения, активно вмешивается в европейские дела... До хитроумной бабки ему далековато. Волнения в Семеновском полку. Всевластие Аракчеева. Прекрасные планы, призванные обелить Александра перед отцом и матерью, историей, друзьями и, главное – перед самим собой, рассыпаются в прах. Кто-то решает за него, управляет за него, и нет ни сил, ни средств этому помешать. В 1825 году Александр неожиданно уезжает в Таганрог, имитирует собственную смерть и бежит в Сибирь, где весь остаток жизни, под именем «святого старца Федора Кузьмича», замаливает грехи – свои и предков...

Старик, сделав намеренную паузу, оглядел аудиторию. Стояла тишина – аудитория, позабыв про собственные проблемы, внимательно слушала.

– Новая неразбериха с престолонаследием. Николай? Константин?.. Пока суд да дело, просыпается гвардия. Чего добиваться, а главное, кого кликнуть на трон? Некоторые требуют Земского собора, а кто понахрапистее, тот же Пестель, – даже республики, причем с таким суровым режимом, что времена Анны Иоанновны покажутся раем. Решают предъявить ультиматум Сенату. Выводят полки на Сенатскую площадь, где и продолжают обсуждение «как нам переделать Россию». Не сумев уговорить мятежников добром, Николай подтягивает войска и сметает мятежные полки картечью. Дальше – следствие, где «герои-декабристы» сдают друг друга с потрохами еще до намека на пытки. Пятерых вешают (один, правда, срывается), еще

несколько десятков ссылают в Сибирь (роскошные особняки «репрессированных» до сих пор показывают как местную достопримечательность, что вызывает недоуменные вопросы экскурсантов: фраза «страдали в ссылке» с такими хоромы как-то не вяжется)... Утвердившись на троне, Николай принимается наводить порядок в стране. Ничего особо нового изображать не приходится – методика войны против собственного народа непрерывно совершенствуется еще со времен батьки-Рюрика; а стратегию внешней политики новому императору преподал Орден. Возникает Корпус жандармов – предтеча НКВД и КГБ, – по тотальному надзору не имевший в мире равных. Появляются военные поселения, призванные обезопасить режим от крестьянских восстаний. Деревня становится казармой – кроме тяжелого труда хлебороба на поселян возлагается еще и военная подготовка: непрерывная муштра. «Раздатчики пищи, встать!», «К приему пищи – приступить!» – это все оттуда. Естественно, бунты в военных поселениях. Наказания кнутами, шпицрутенами... «Завершено здание русской бюрократии»: взамен старой неповоротливой системы создана еще более неповоротливая, состоящая сверху донизу из взяточников, но – строго централизованная. Времена дворянского своеволия кончились, любой помещик, царь и бог в пределах своего имения, зависит теперь от любого столоначальника какой-нибудь провинциальной канцелярии. Особые преимущества эта система дает Ордену. Появился НЕСМЕНЯЕМЫЙ аппарат. Раньше назначение на должность производилось фаворитом – и далее по нисходящей. Плюс постоянные перетряски из приказов в коллегии, слияния и разделения, потом министерства... Теперь можно сколь угодно, по прихоти или из принципа, менять главных начальников – «подготовка решений» – то есть фактическое управление ведомством остается в руках тех же людей, заботящихся прежде всего об интересах КАСТЫ... Контролируемая охранкой система нуждается в идеологии. Очень быстро изобретается тройственное «православие, самодержавие, народность», как «истинные» и «исконные» начала русской жизни, вводится строгий надзор в университетах, кафедры философии и некоторых других «вредных» наук закрыты, ограничено число студентов. Учрежден особый комитет по надзору за печатью. Ужесточаются репрессии – уже не участие в заговорах, а всего лишь вольнодумство становится поводом для отправки на Кавказскую войну. Ордену – раздолье... Внешняя политика меняет направление. На западе, вместо рыхлой конфедерации, появляются унитарные государства – Австрийская империя и Прусское королевство – противники довольно серьезные. Нельзя атаковать Европу в лоб – возьмем сбоку, решают орденские стратеги. Где-то вычитали: кто владеет Балканами, тот владеет Европой, – и, не слишком разбираясь в причинах, берутся за Османскую империю. Поводом служит восстание в Греции. Война 1827–1829 гг. приносит победы при Наварине, Нулевчи, достается кусок территории Закавказья, право вмешиваться в дела дунайских княжеств, Сербии, Греции. Восстание в Польше – подавлено, остатки автономии царства Польского – уничтожены, попутно ликвидирована униатская церковь: никакой идейной конкуренции! В 1839 году на соборе в Полоцке западноукраинские епископы решают вернуться в лоно православной церкви (позже, в сороковые, Сталин завершит процесс – последние галицийские и закарпатские униаты под чутким руководством НКВД примут решение о воссоединении). По Лондонской конвенции Турция оказывается под протекторатом пяти европейских держав: России, Англии, Франции, Австрии и Пруссии. После интервенции 1849 года в Венгрии Николай считает Европу беззащитной. Французский император «из революционеров» – Наполеон Третий – доверия не внушает, англичане надоели – вечно лезут не в свои дела... «Казус белли» находится просто. В 1851 году султан решает отобрать ключи от Вифлеемского храма у православных и отдать католикам. Николай заявляет протест, но султан, поддерживаемый западными державами, протест видел ясно где. Тогда Николай приказывает оккупировать Молдавию с Валахией и держать до тех пор, пока турки «не удовлетворят справедливое требование России». Осень, 1853 год, «янычары» объявляют России войну. Эскадра Нахимова топит турецкий флот в Синопской бухте, и вскоре Англия, Франция, Сардиния выступают против России. В сентябре 54-го года семьдесят тысяч фран-

цузских, английских и турецких войск высаживаются в Крыму. Начинается 11-месячная осада Севастополя... Причины, по которым миллионная российская армия не смогла справиться с 10-тысячным десантом, типичны для российской истории: хаос. Во всем. Узнав о разгроме армии под Альмой (русских солдат просто били в лоб из нарезных штуцеров), Николай срочно умирает, а годом позже его чадо Александр Второй заключает мир, согласно которому Россия теряет право держать флот в Черном море и обязана срыть все крепости на побережье. Орден остается не у дел... На 26 лет воцаряется Александр Второй, Освободитель и Мучитель, для Ордена – полоса черная. Отмена крепостничества, провозглашение реформ: университетской, судебной, цензурной. Ни войны, ни экспансии. Реформы половинчаты, преобразования не завершены и приняты страной болезненно, но Ордену не легче. Он не желает ждать. Россия медленно, но верно ввергается в трясину буржуазного передела. В апреле 1865-го Александру наносится первый удар: в Ницце от спинно-мозгового менингита умирает старший сын, престолонаследник. Через год теракт: выстрел Каракозова у Летнего сада. Следующим летом – поляк Березовский, едва ли представляющий, с какого конца братья за ствол, умудряется сделать несколько выстрелов... Продолжаются реформы, к марту 81-го года царь переживает целую серию покушений. 1-го марта состоится финальное: некто Рысаков (по совместительству «народоволец») бросает в карету императора бомбу, но она не убивает царя. Император ловит ворон, прилетает вторая бомба, пущенная неким Гриневицким. Смерть глупа и мучительна...

– Насколько я знаю, Александр Третий тоже не стал бы жаловать Орден, – вставила Дина.

– Вы правы, милая леди, – похвалил старик. – В Капитуле оставались умные головы, понимающие, что дважды наступать на одни и те же грабли негоже. И на тринадцать лет уходят на дно, предоставив «Миротворцу» распоряжаться страной по своему разумению. Покуда крепится государственность и возвращается в быт и сознание утерянная с годами национальная самобытность, Орден занимается реструктуризацией. Зарабатывает деньги, укрепляет «партичейки». Между делом ускоряет течение болезни самодержца. К воцарению Николая «дубль два» уже готовы. Требуется немало: мощная страна при слабом и безвольном императоре. Закопать рвы на Ходынке отнюдь не забыли, как уверяет нас история. Их просто не закопали... в чем, кстати, ярчайшая заслуга генерала Капельродова – одного из распорядителей церемонии коронации нового государя. Впоследствии их все же завалили – телами полутора тысяч несчастных, погибших в страшной давке... Странная штука в России, господа. Бурный рост экономики и полная политическая дестабилизация. Безвольный император неудачи своего правления списывает на «божью волю». «Нужно со смирением и твердостью переносить испытания, посылаемые нам Господом для нашего же блага...» – пишет он в своем дневнике. Убит министр просвещения, министры внутренних дел, финский генерал-губернатор, великий князь Сергей Александрович... Сокрушительное поражение в японской войне, которая не нужна ни царю, ни Ордену, но Капитул многозначительно молчит, и эшелоны, набитые раздетыми и разутыми солдатами, несутся на восток – навстречу «мукам и бесславию»... «Кровавое воскресенье», позорный мир с Японией, созыв Государственной думы – с частичным ограничением власти царя. «Господи, как больно и тяжело!..» – строчит Николай в дневнике слезоточивые писульки. Он не тиран, он слабый и внушаемый человек. Но реформы идут, в стране воцаряется относительное спокойствие. 1913-й год – год трехсотлетия дома Романовых – становится вершиной процветания империи, а Николай зарабатывает репутацию удачливого монарха. Ее не подмачивает даже начавшаяся через год мировая война – настоящий подарок судьбы для Ордена... Победа Антанты отдала бы России всю Восточную Европу, Черное море и проливы. Утвердившись в центре субконтинента, легко предложить бывшим союзникам выбор между подчинением и оккупацией. А потом не спеша прибрать к рукам весь остальной мир. Понятно, Николай Второй – сидеть на троне может, но стоять во главе государства – не годен, на роль владыки мира не подходит ни под каким соусом. Но что за беда – к рулю готовятся стать промышленно-финансовые тузы. Либеральная оппозиция кричит о Рас-

путине, о Митьке Рубинштейне, остается избавиться от бывшего хлыста, изолировать прогерманскую партию Аликс – и принять новую конституцию. А там можно водружать на голову кого угодно из Романовых любые короны. Родзянко и князя Юсупова разыгрывают втемную, внушив, что убийство Распутина – их долг перед Родиной. Соучастие великого князя пристегивает к игре царствующий дом. Понятно, приходится обойтись без профессионалов – и любители, как водится, делают ляпы – «труп» Распутина вдруг куда-то бежит, городских привлекают выстрелы... Ладно, убивают... Но опять же проблемы. Видя перед собой лишь российскую шахматную доску, стратеги Ордена забывают о конкуренции – и проигрывают. Хорошо подготовленный «взрыв стихии» возносит на вершину власти болтунов, которым не то что империю – мастерскую по ремонту швейных машинок доверять не следует. Фронт разваливается, «временные» теряют вожжи, всем известная посылка в plombированном вагоне... – и кучка пьяных матросов, поддержанная хорошо организованными отрядами «военнопленных», приводит в Зимний людей, никакими прогнозами не предусмотренных... Но Орден еще пытается бороться – помогает Юденичу, Деникину, Колчаку... Но пандемия зависти, именуемая большевистской идеологией, охватывает всю страну. Идет война всех против всех, и Европа не помогает. Немцы благодаря Ленину оккупируют Украину, Белоруссию, Прибалтику и вовсе не стремятся спихнуть с доски столь полезную им фигуру. Англичане и французы тоже не нуждаются в сильной России. И уже вскоре многие функционеры Ордена, выброшенные из страны, кусают локти: кто в Белграде, кто в Париже и мучительно гадают о судьбе оставшихся...

– Вы устали, Иван Михайлович, – участливо произнес Туманов. – То, что вы рассказываете, – безумно интересно, но вы действительно устали – посмотрите на себя в зеркало...

– Пожалуй, да, – старик вздохнул. – Но я вынужден закончить, друзья мои. Как вы догадываетесь, я позвал вас сюда не только для того, чтобы зачитать пространную лекцию по истории, – с моей стороны это было бы немного странно... Впрочем, ладно, два слова про XX век... На Ленина не ставили – боже упаси. Этот нервный и картавый был как жупел. Орден вовсе не собирался строить чего-то там в отдельно взятом бардаке. Ставили с тоски на Бронштейна с его трудармиями – не вышло. Ставили на Тухачевского с его лихими заграничными походами – просчитались. Собрались махнуть в сорок первом на красноармейских штыках в Европу – снова удача отвернулась: Гитлер опередил буквально на недели, и последствия стали кошмарными. Пришлось воевать. Пол-Европы откусили, ладно. Своего рода плацдарм. Восемь лет передохнули. Со старым, безумным и «отыгранным», лежащим в Кремле, надо было что-то делать. Сделали... «Вы обнаружили тело хозяина на полу, он был еще жив, – допрашивал следователь кого-то из охранников. – Почему вы не предприняли меры?» – «Какие меры?» – тупо гундел охранник. (А и верно – какие? Врачишек-то кремлевских – перебили.) «А как вы поступили?» – «Я позвонил начальнику охраны». – «Почему не личному врачу?» – «Не положено, инструкция...» – «А когда прибыл начальник охраны?» – «Через двадцать минут». – «И хозяин все это время лежал на полу?» – «Кажется, да». Бред собачий. Врачей, конечно, можно и даже нужно бояться – но ведь не до такой же степени, когда всех под корень?.. Чем и не преминули воспользоваться. Следом – Берия. На этого типа, нарывшего на Орден пять ящиков компромата, у Капитула давно имелся зуб. И под расстрел его подвели с великим удовольствием. Естественно, колотья про свою осведомленность Берия не стал – какой ему прок с того? По-любому в подвал – к сырой стеночке. Не до этого ему было. А Орден, пощипанный, но не побежденный, вступил в новую эпоху – эпоху технического прогресса и не столь радикальных решений. Естественно, он не сидел без дела. В архиве имеется ссылка на целый ряд операций: смещение Хрущева в шестьдесят четвертом, пресечение заговора Шелепина-Семичастного в шестьдесят шестом, разгон «русской партии» в семидесятых, возведение на трон Горбачева в восемьдесят пятом... И наконец многозначительная неудача в девяносто первом, когда на престол взошел тот, с кем Орден, хоть тресни, не желал сотрудничать.

– Дальнейшее мы знаем, – сказала Дина.

– Орден не вылезет один, – старик, скрипя суставами, уселся в кресло и с удовольствием вытянул ноги. – Ему нужны союзники. Авантюра с нефтяными переделами должна иметь надежные тылы, поскольку она... прежде всего авантюра. По моим щепетильным прикидкам, такой идеальный союзник – Китай. Он уже везде. В Сибири, в Австралии, в Америке. И в Европе – аналогичная нашей экспансия. Правда, там народ побогаче – явную голытьбу туда не пустят. Но у них и не бедных хватает.

– Это самый логичный вариант, – задумчиво изрек Туманов. – Но опасный. Массой задавят.

– Вы имеете в виду население? Ну что ж, проблема, согласен. Но экспансию в Сибири можно остановить, если умело к ней подойти. Мир – не только Сибирь, я же говорил. Неосвоенные земли в Австралии – пускай пустыня, зато климат райский. Канада, Океания, Африка, наконец. Джентльменское соглашение, подкрепленное, с одной стороны, десятиллионной армией, с другой – эффективностью поражения комплекса «Тополь», – и все будет нормально, уж поверьте. Азиатские орды устремятся в любом направлении, кроме северного. Вернее, устремились бы...

Старик замолчал и задумался.

– Вы знаете, парадоксально, но если пренебречь одиозностью участвующих в соглашении фигур, в глобальном масштабе подобный ход событий Россию бы устроил. В конце концов мы патриоты своей страны, и ее безопасность для нас не пустой звон.

– Что-то не так? – насторожилась Дина.

– Мы уезжаем, – на всякий случай предупредил Туманов. – Хватит с нас.

– Вольному воля, – усмехнулся старик. – Не забудьте выпить на посошок, а то удачи не будет. У меня к вам просьба, молодые люди. Группа дотошных граждан, в том числе ваш покорный слуга, провели обстоятельный анализ происходящих в стране перемен и пришли к одному нелицеприятному выводу. Бумаги с обоснованием этого вывода будут готовы завтра. Я хочу, чтобы вы вывезли их из страны и опубликовали на Западе. Увы, в России сие невозможно. Не хочу останавливаться на причинах, на мой взгляд, их целый воз. Посторонний человек над бумагами поохотал бы, но у вас, Любовь Александровна, есть кое-какие связи. Я думаю, вам поверят.

– Если в бумагах содержится горячая информация, мы не провезем их через таможню, – резонно заметил Туманов.

– А я не требую подвига, молодые люди, времена бросков на амбразуру давно прошли. Вам передадут не оригиналы, а копии. Если возникнут неприятности, их просто изымут. Вас не тронут. Что в бумагах, вы не знаете, – один старый знакомый попросил передать, и вы не смогли ему отказать. Ничего страшного, поедете дальше – с чувством невыполненного долга...

– Что в документах? – спросила Дина. Туманов сдержал улыбку – ее неглупая мордашка превратилась в какую-то сморщенную маску, выражающую крайнюю степень недовольства.

Старик зашел издалека, предварительно закулив последнюю из портсигара папиросу.

– Доселе крайне осторожные в инвестировании, японские коммерсанты стали вкладывать бешеные деньги в Сибирь. Такое ощущение, что им кто-то ее пообещал – от Урала до Находки – в качестве сорок восьмой префектуры. До начала мая – никакой активности. Про Курилы свои любимые молчали, рыбку в территориальных водах не ловили. И вдруг на тебе: тысячи заманчивых предложений – для чахнувших предприятий просто манна небесная. «Сони», «Субару», «Мануока инкорпорейтед», продуктовые концерны... Благотворительность, невероятные скидки, строительство жилья для неимущих россиян... Потеснили корейцев, китайцев, оперативно перекинули «якудза», чтобы не путаться в российском законодательстве. Куда ни глянь – АО «Иванов-Петров-Сидоров», а выясняется, что деньги – через свежеиспеченный «Находка-банк» – сплошь японские. Только лица наши. Откуда, почему – публика традиционно теряется в догадках. Движение «Восход» знакомо? У них еще лозунг:

«Мы – азиаты!» Блокируется со всеми сибирскими движениями нацменьшинств – от бурятского «Дацан» до алтайского «Тюркют». Тоже развернули широкомасштабную активность. По данным спецслужб, идет энергичная перекачка денег через «братьев меньших», с последующим отмыванием. Сплошная 174-я статья: легализация денежных средств, добытых незаконным путем. А каким еще путем может добыть денежные средства «Восход», если у него нет в России ни одного легального предприятия?

– И к чему этот заезд? – Дина закусила нижнюю губу. Лоб разгладился, а вокруг рта очертились тонкие морщинки. Туманов помнил: в исполнении Дины эта мина означает кропотливую мыслительную работу.

– Грядет союз Японии с Китаем. В обход Ордена. Движение «Восход» замышляет вяло текущий «дворцовый» переворот, в результате которого Сибирь отколется от России и будет поделена на сферы влияния. Японии отойдут Дальний Восток, Север, части Читинской, Иркутской областей, Китаю – Хабаровский край, Восточная Сибирь, Юго-Западная, газоносные районы Тюменской области...

– Не верю, – сказала Красилина. – В одну телегу впрячь не можно...

– Можно, – отрубил старик. – Когда в одну телегу впрягаются два работающих коня, пусть и не похожих друг на друга, можно все. В руки моих товарищей по областному архиву попали документы, из которых определенно явствует, что между китайскими и японскими официальными лицами, начиная с позапрошлого года, не раз проводились консультации по данному вопросу. В те годы движение «Восход» сидело в подполье, марионеточных региональных структур и вовсе не существовало, орудовала ФСБ, зверствовали карательные отряды – какой, извините, переворот? Так, пустолайство. Теперь ситуация иная. Страна на коленях, ФСБ в прежнем виде почила, азиаты сплошь и рядом, чиновники коррумпированы по уши. Налицо все предпосылки для переворота. А если учесть, что финансовая сторона вопроса практически улажена, личный состав к выполнению миссии готов, то в чем загвоздка, господа дорогие? Равнение на знамя, и вперед. Мы – азиаты, даешь мир – без контрибуций, зато с аннексиями. И в гробу они видали российскую Директорию вместе с Орденом и «Росгазом»... За июнь – две тайные встречи на уровне премьер-министров, три на уровне директоров разведуправлений. «Господин Яматуро и господин Линь Чжуань в плане долговременного сотрудничества договорились о координации своих усилий, направленных на дальнейшую дестабилизацию и разукрупнение...» Черным по белому. В документах, которые вам передадут завтра, планы переподчинения крупных территориальных образований, номера банковских счетов, отчетные ведомости, стенограммы допросов арестованных контрразведчиками сотрудников китайских спецслужб, отчеты о деятельности некоторых японских фирм. И многое, многое другое, в том числе подробная аналитическая записка, содержащая сжатые выводы о сложившейся обстановке. Очень сжатые. Краткость – сестра таланта.

– И не последняя, кстати, его родня, – пробормотала Дина. – Не пойму я что-то, Иван Михайлович, почему материалы должны быть опубликованы на Западе, а не отнесены, скажем, в АНБ?

– Относили, – презрительно фыркнул старик. – Нынешняя ФСБ от предыдущей отличается, как, например, купидон от скопидома. Прежние никогда не хохотали. Они либо ставили к стенке, либо регистрировали сигнал, а потом проверяли... А опубликовать на Западе есть самый верный способ добиться положительного решения на родине. Сами знаете. Пусть и не разгонятся, но шум будет. Если еще не поздно.

– Вы хотите заставить Директорию пугануть азиатов?

– Нереально. Мы хотим заставить азиатов поумерить свои эмоции. Пусть на время. Если общественное мнение всколыхнется и успеет дойти до точки кипения, беды не будет. Против мирового сообщества они не попрут.

– А сотворить переворот и оттяпать гигантскую вожаделенную территорию – не значит пойти против мирового сообщества? – недоверчиво спросил Туманов.

Старик устало закрыл глаза. Пусть он и сидел на любимом коньке, однако до предела на нем умотался.

– Молодой человек, вы меня не слушаете... Я русским языком объясняю – предстоит валютотекущий переворот. С замасливанием всех недовольных сторон. То есть на несколько месяцев, а то и лет заряжается вольтинка...

Казалось, этой встрече не будет конца. Объем полученной информации позволял предположить, что разговор ведется не менее суток. Представление о времени расплывалось, как масло по стеклу. Однако без четверти одиннадцать они опомнились. В подвал, гневно стуча каблуками, спустилась Зоя Ивановна с лицом злой Бастинды и открытым текстом потребовала прекратить мучить старика и вспомнить, который час. Гости не возражали.

На углу Бестужева и Жуковского Туманов поймал частника. Первую машину, выползающую из ближайшего переулка, он открыто проигнорировал, хотя водитель и сбавил ход, рассчитывая подзаработать. Зато когда вдалеке показался свет фар, он смело поднял руку и так и стоял в нелепой позе, пока старинный рыдван, лязгая железом, не пристал к обочине.

Две общеизвестные российские беды сплелись в одну. Машину бросало на выбоинах, шофер, изрядно подпитый, громко ржал и пытался острить, но они его не замечали. Они сидели на заднем сиденье. Туманов обнимал Дину, она жалась к нему. Со стороны это могло показаться идиллией.

– Не поедем за Алисой, – прошептал Туманов. – Ну ее к едрене фене, эту выдру. Пусти опоссума в курятник... Пусть Светка с ней собачится – хоть какое, а развлечение. Завтра возьмем, не облезет.

– Кто-то собирался ехать в частный сектор... – томно вздохнула Дина. – Ты не помнишь, кто?

– Завтра. К обеду. Соберемся, шнурки погладим и поедем... В одиннадцать придет Санчо, посмотрим, что за цидульки у них... Да не дрейфь, Дина, я сердцем чую – Воробьев нам не враг. Сама рассуди – ну какого лешего он стал бы читать нам эту лекцию? Старику помирать пора, а он время на нас переводит.

– Да нет, для своих лет он очень бодрый дедушка... Заметил, какая у него речь? Речь современного, слегка приклатненного интеллигента, а не выживающего из ума девяностолетнего старца... Слушай, Туманов...

– Что, Дина?

– Мне кажется, я что-то упустила. Что-то важное.

– Объяснись.

– Я заметила в его словах одно несоответствие, какую-то вопиющую нестыковку... Она мелькнула, как молния, ошарашила меня... и сразу забылась. Я пыталась ее вытянуть из себя, но старик болтал, болтал... и уболтал, черт проклятый. Не могу теперь вспомнить...

– Что-то важное?

– Думаю, да... Он лукавил. Как пить дать лукавил. Может быть, не во всем... Но однажды он себя выдал и сам того не заметил. А я забыла...

– Ты считаешь, старик втянут в игру?

– Ой, не знаю я, Туманов... Я же баба, простая русская баба. Но считаю, прав анекдот: любое грязное дело на Руси проходит четыре стадии – шумиха, неразбериха, наказание невиновных и награждение непричастных... И я хочу сказать тебе – мы не проходим по линии непричастных. Давай держаться подальше от неприятностей? Не будем бодаться с двумя быками сразу...

– Хочешь выпить, Дина?

– Забудь, Туманов. Мы себе давали слово не употреблять спиртного...

Дорога на путепровод была перекопана. Шофер повел рыдван через площадь имени «все-союзного старосты», имевшую относительно прибранный вид. Вывернул на проспект и потарахтел мимо Кропоткинського жилмассива. Фонари отсутствовали.

– Я так хочу тебя... – прошептала Дина, запуская руку под рубашку Туманова.

– Я хочу тебя не меньше, – отозвался он и сел поудобнее. – Красилина возбужденно задышала и с титаническим усилием оторвалась от Павла. – Довези меня до святого места, там и разберемся, кто кого больше хочет...

– Конструктивное предложение... – просипел он. – Но мне кажется, мы никогда не доедем.

Бог был милостив. Они доехали. По потолку над кроватью, просеянные через тюлевые занавески, бродили лунные зайчики. Тончайшие пылинки, застигнутые на месте светом, создавали иллюзию медленного звездопада.

– Смотри-ка, – подивился Туманов. – Впрямь, свято место. И пусто.

Сколько открытий чудных подарила им эта ночь... Оставшись одни в пустом гостиничном номере (даже тараканы расползлись по свалкам), имея в запасе долгие часы и желание, они заново открывали друг друга. Под скрежет ржавых пружин, под счастливые стенания...

Поутру, когда солнце уже вовсю сияло над городом, он шатался по номеру, собирая разбросанные части туалета. Свои – кучкой поменьше – складировал у входа, Динкины – кучкой побольше – ей в ноги. Она проснулась от прикосновения, позевала и устала на него с одобрением: на ходячее бесстыдство – голое и мятое. Ему пришлось рассутулить плечи – стриптиз так стриптиз.

– Носок пропал правый, – посетовал Туманов, рассеянно перебирая свою кучку.

– Почему думаешь, что правый?

– Загнут влево.

После совместных поисков обнаружили искомое на шкафу. Разбирательство выявило, что виновна в утере Дина, умудрившаяся стянуть с любимого брюки вместе с носками.

Позавтракали припасенным печеньем с лимонадом. Завершив трапезу, исследовали выходы из апартаментов. Все три окна двухкомнатного номера выходили на заднюю сторону гостиницы – во двор кирпичной пятиэтажки. Дальнюю оконечность площадки украшал испитый петроглифами пункт приема стеклотары, груда разбитых ящиков и компания бомжей. Под окном второй комнаты, располагалась пристройка. К ней спускался короткий огрызок пожарной лестницы. В принципе, до лестницы можно было дотянуться и прыгнуть на крытую рубероидом крышу пристройки, но каким образом после этого спускаться на землю (прыгать высоко), оставалось загадкой. По крайней мере, сверху.

Туманов открыл окно.

– На всякий пожарный. Проветрим.

Дина встрепенулась:

– Ты сказал, что доверяешь старику. Какого черта, Туманов? Давай убежим, и все решение.

– Глупо, – заартачился он. – Если нас пасут, то какой смысл бегать? Если нет – то опять же, какой смысл? Я доверяю словам Воробьева. Его бумажки интересны. И в рассказе есть изюминка. Если документы действительно правдивы, то можно представить, сколько они стоят.

– Ровно две пули, – буркнула Дина.

– Но мы же везунчики, киска, – напомнил Павел. – Нас пули облетают.

Она кивнула:

– Ах да, совсем забыла. Можно купить револьвер и каждый вечер перед сном играть в русскую рулетку. Для снятия усталости. Все равно не убьет.

За стеной отчетливо звучали вступительные такты «Подмосковных вечеров». Одиннадцать утра. Туманов со скептическим видом постучал ногтем по стеклу наручного «будильника».

– Двадцать минут ждем и уходим.

В дверь постучали минут через пять. Туманов напрягся. Взял Дину за плечо. Она вздрогнула, резко скукожилась и стала похожа на дружеский шарж.

– К окошку, – распорядился Туманов. – Возьми сумку – в ней деньги и документы. Чуть что, давай на лестницу.

– Кто там? – поинтересовался он у запертой двери.

– Телеграмма, – хихикнули за дверью – молодо и звонко. – «Волнуйтесь, подробности письмом».

Проворчав что-то насчет неискоренимых студенческих привычек, Туманов отпер дверь.

– Входите, юношество. Шуточки у вас.

– Здрасьте, Сергей Андреевич, – сверкая очками и кривыми латками на пиджачишке, в номер вошел внучок архивариуса – невысокий парень лет двадцати трех.

Туманов захлопнул дверь и стал критически озирать «юриста».

– А ты молодчага, парень. Следишь за собой. «Коронку» с удушением не забыл?

Из дальней комнаты показалась насупившаяся Дина.

– Здрасьте, мэм, – расплылся в улыбке очкарик. – Не забыл, Сергей Андреевич. Шлифуем-с... Вы извините, – он как-то виновато глянул на Туманова, – что не смог прийти вчера к деду. Дела не позволили, да и дед все норовил меня выгнать...

– У любушки засиделся? Ладно, Санчо, живи, – Туманов потрепал парня по загривку. – Ты, главное, не забывай про «изделие номер два» и поздно не ходи. Говорят, по городу разливают банды маньяков-педофилов.

Парнишка обладал чувством юмора – засмеялся.

– Принес?

– Ага, Сергей Андреевич, – прищелец снял с плеча сумку, расстегнул «молнию» и вложил Туманову в ладонь гибкую папку из непрозрачного пластика, – Иван Михалыч велели передать из рук в руки. Что и делаю с глубоким удовольствием.

– Умница. Давай на лбу распишусь, – Туманов прикинул папку на вес. Маловато. Граммов восемьсот. На миллион баксов не потянет.

Санчо еще раз смущенно улыбнулся, глянув на Дину:

– Я пойду, Сергей Андреевич? Вам, наверное, некогда? Увидимся же когда-нибудь...

– О чем речь, Санчо, – Туманов протянул руку. – Привет деду. Салют пионерам.

Особо вчитываться было некогда. Содержимое папки – стопку ксерокопий формата А4 – пролистали по верхушкам. Мешанина порядочная. Своего рода контрапункт – одновременное движение нескольких тематик, образующих логичное целое. Какие-то выписки из актов, отчеты, диаграммы. Рукописные листы с грамматическими ошибками, – видимо, донесения не слишком образованных агентов. Протоколы встреч (без печатей и подписей), докладные записки, схематические карты сибирских регионов, испещренные пунктирами и стрелками.

– Лышу себя надеждой, что дело непрогарное, – задумчиво вымолвил Туманов, завязывая тесемки папки. – Рискнем, детка? Один раз в год сады цветут?

– Бежим, мой генерал, – Дина нервно взялась за сумку, – с тобой точно неожиданным цветом изойдешь.

Туманов обнял ее за плечи:

– Побежали, красавица...

Стук в дверь был робок, они даже не вздрогнули.

– Сергей Андреевич... – донесся из коридора приглушенный глас внука, – тут еще конверт вам. Иван Михалыч отдельно дал, а я сдуру забыл...

– Ну, ты и ворона, – Туманов откинул «собачку». С момента ухода Сашки прошло минут восемь. Где же его осенило?

– Подожди, – спохватилась Дина. Но Павел уже открыл дверь.

Измена катит – верная мысль, но поздно! Сашок вошел в номер. Такое впечатление, что его подтолкнули. Лицо бледное, в глазенках страх, в руках ни конверта, ни даже сумки. Туманов посторонился – иначе склеились бы лбами. Характерный хлопок – он понял, в чем дело. Выстрел в затылок! Физиономию Сашки будто разорвало. Выходное отверстие на месте переносицы – кровь, мозги... Парнишку швырнуло в номер. Позади стоял субъект средних лет. Кабы не пушка с глушителем, то вполне располагающей внешности. За косяком еще кто-то.

Его не охватило отчаяние. Реакция, а потом эмоции. Туманов кинулся вперед, не дожидаясь, пока пистолет сместится немного в сторону («Опасности надо идти навстречу, а не дожидаться ее на месте», – говаривал фельдмаршал Суворов). Завершив бросок, Павел ударил левой рукой снаружи, а правой изнутри по запястью с оружием кисти. Пистолет запрыгал по полу.

– Дина, беги!

Противник оторопел. Боль в запястье на мгновение парализовала его. Раз мгновение, два... Бить не с руки – дистанция мала. Туманов схватил одной рукой левой предплечье противника, другой – правое плечо. Шаг влево, в сторону... Правую ногу за пятки противника – и резкий выброс с подбивом в подколенный сгиб...

Оппонент плюхнулся на задницу. Второй оказался резвее, невзирая на габариты – работал правильно. Туманов ударил ногой и в тот же миг ощутил обжигающую затрепину – как шваброй хлестнули. Но и сам не проморгал. Бугай, сдавленно охнув, присел – будто на унитаз... В голове рябило. Еще двое выскочили из-за косяка. Туманов принял стойку – но непротестительно медленно и смешно. Мозг трянуло, он не спешил подавать команды. Вяло махнул рукой – пустота... Почуял, как земля уходит из-под ноги, упал на бок. И где же твое везение, счастливчик? Над головой уже грохотали ботинки. Бейте, суки... Павел прикрыл голову руками и торопливо захрипел, предчувствуя скорую потерю сознания:

– Беги, Дина, беги...

Красилина Д. А.

Я висела на лестнице, как саранча, облитая дефолиантом. Никакого комфорта. Сумка тянет, руки вот-вот разожмутся... и – прощай, ущербный мир, здравствуй – сапфировое небо... Куда меня понесло? Камо грядеши, Дина Александровна? Внизу пристроечка, и что? Здесь меня прикрывает тополь, а там? Туманов не видел с нее спуска, эта приступочка для пожарника, а не для людей. Так и заночуем... Роняя слезы, я сжала руки и огляделась. Справа, у соседей – открытое окно. И ниже окно, и выше. Везде постояльцы и всюду мучаются от жары. Попробовать? Я раскачалась, забросила ногу на карниз и запустила правую руку в выбоину на оконном проеме – там очень кстати не оказалось кирпича. Выходить из распятого состояния гораздо труднее, чем в нем оказаться. Собрав воедино все что есть во мне от туристки, я оттолкнулась левыми конечностями, а правые напрягла. Пошло-поехало... Надеюсь, я не слишком долго маячила в позе квартирному воришки. Диспластично сместила центр тяжести, ввалилась в комнату и спрыгнула с подоконника. Захлопнула окно.

Какой-то тщедушный мужичонка в тельняшке и семейных трусах восседал на стуле и обрезал ногти на ногах. Постель была смята – две подушки, одеяло. В изголовье вместо свечи несколько пустых пивных бутылок. Очевидно, ночевал мужичонка не один. Но теперь – один. Ушла дама. Уж я-то могу определить, есть ли в помещении женский дух.

Постоялец выронил ножницы. Алкоголизмом он не страдал, но принять любил – по физиономии видать.

– Ты кто? – он часто заморгал.

– Зеленый человечек, – сказала я. – В койку!..

– Что-о-о? – он вытаращил глаза.

– В койку, урод... – зашипела я и для вящей убедительности воткнула палец в неприбранную постель. – Русского языка не понимаешь? Ложись – трахаться будем.....

Видно, моя худосочность не произвела на него впечатления. Плюс необычность ситуации. Плюс насыщенная сексом ночь. Плюс предстоящие дела. Он сидел и лупал глазами, как сыч. А что касается меня, то я дошла. Все тормоза по барабану. Я швырнула сумку на пол и плюхнулась в кровать. Натянула одеяло на нос (что же я делаю, господи?) От постельного белья разлило пивом и потом. Подавляя в горле тошноту, я стала дышать ртом.

Мужичонка задумался. По всему видать, мое учащенное дыхание зацепило его за живые струны. В похмельной роже проснулся интерес.

– Не сифиличная, не бойся, – подлила я масла.

За дверью раздался шум. Кто-то протопал по коридору.

– Слушай, а ты правда кто такая? – промолвил мужик, стягивая майку. Ноги, обросшие рыжеватыми волосами, разъехались в стороны. Трусы в горошек – туда же. Я принялась душить новый приступ тошноты.

– Местная... – простонала я. – А ты?

– А я Валентин, – разулыбался мужичок. – Из Биробиджана. Я на завод «Электроагрегат» приехал, за инверторами. Вчера груз отправили, а билет только на завтра... Слушай, а чего там шумят?

Он наострил крысиные ушки. За дверью кто-то отрывисто переговаривался. Резкий стук – ломились в дверь соседнего номера.

– Ты идешь, Валентин, или как? – напомнила я.

– Точно, – вспомнил мужик. Сел на край кровати и стал без стеснения стягивать с себя трусы.

– От тебя воняет, как от коня дикого, – поморщилась я. – Топай в душ.

– Чего? – удивился он.

– В душ, говорю, топай, – я повысила голос.

– Зачем? – он еще больше удивился.

– Воняет от тебя! – рявкнула я. – А ну марш в душ! Я ж не лошадь!

Мужичонка стал растерянно озираться. Понятно – думает, обчищу я его.

– Возьми мою сумку, – сказала я, – и мойся с ней. Не обворую я тебя. Давай, Валентин, давай, шевели костылями, пока не передумала...

Когда за ним закрылась дверь, я стянула с себя джинсы, сорочку и осталась в бюстгалтере и черных колготках. Взъерошила волосы и превратилась в опустившуюся проституированную особу, готовую на все. В душе заработала вода. Я стала молиться.

В дверь забарабанили.

Когда она открылась, полагаю, взору вторгшихся предстало нечто. Их мрачные рожи заметно повеселели. Один был молод и лыс, другой постарше и с усами.

– Чего? – прохрипела я.

– Брысь, – сказал усатый, небрежно предъявляя какие-то красные корочки. «О-е-е-й, – подумала я. – Если потребуют взаимности, я погорю».

Брысь так брысь. Я попяtilась в комнату и юркнула в кровать. Натянула одеяло до ушей и принялась изображать неподдельный испуг (притворяться, впрочем, не пришлось). Двое обследовали засиженные мухами углы. Один подошел к окну, другой к санузлу, за дверью в

который продолжала бежать вода. Минутку постоял, прислушиваясь, после чего обратился ко мне:

– Кто там?

Я приподняла двумя пальчиками валяющиеся на кровати трусы – как существенное вещественное доказательство.

Лысый нахмурился. А усатый потребовал:

– А подробнее?

Я вздохнула. Прижала к груди одеяло, другой рукой потянулась к ножке стула, на котором висел пиджак, потащила его на себя. Слава богу, внутри лежала мягкая краснокожая паспортина. Усатый вырвал ее у меня из руки и подошел к двери. Приоткрыв на полдвойма, принялся сверять оригинал, занятый непривычным делом, с изображением. Шум не хотят поднимать, догадалась я. Убедившись в соответствии мужика и фотографии, усатый бросил документ на кровать и с надменностью гэбиста уставился на меня. Я соорудила мину дурочки, разве что язык не показала.

– Пошли отсюда, – коротко бросил лысый. – Прошмондовка...

Я обиженно вытянула губки – мол, какая я вам...

Усатый раздраженно сплюнул на пол. Оба вышли, хлопнув дверью.

Ага, любой может обидеть... Господи, ну почему же Туманову так не повезло?

Стоило подождать. Я сунула паспорт в пиджак и села на койку, подогнув ноги под попу. Тут и появился «любовничек» – сияющий, как хромированный унитаз. Мокрый, взъерошенный, сумка волоком (деньги, конечно, не нашел, иначе бросился бы душить, как Отелло Дездемону; они у меня на дне, в пакете с гигиеническими прокладками), и что самое ужасное – в полной боевой готовности. «Ружье» наперевес, глаза навыкат. Не дай бог, приснится...

– Полотенца нет, – объяснил он свой замызганный видок. Неглиже сидящей перед ним «прошмондовки» подействовало, как ветчина на кота: он двинулся в лобовую, широко щерясь. Я отклонилась, вытащила из-под попы ногу и поставила ее на пути Валентина. Споткнувшись, любитель халявы хряпнулся зубами о кровать.

– Ты что, падла?..

Я метнулась к сумке. Командировочный поднимался, держась за челюсть. Где же наше достоинство? Угасло достоинство – стало мельчать, похудело, скукожилось. Физиономия пошла пятнами.

– Ты что, падла? – повторил он. – Ты что вытворяешь, гадина? А ну ложись...

И мы туда же. Держа сумку за лямку, я стала размахивать ею над головой. Как пращой.

– Мужик, ну все, хватит, я пошутила. Ты извини, слышишь? Погорячилась я...

– Ах ты, гадина... погорячилась она...

Тут он совсем озверел. В принципе, это я виновата. Завела дядьку, а сама в кусты. Но мне ведь не объяснишь... Он расставил свои лапы и попытался меня сцапать, думал, я шуточки шучу. Я отпустила сумку. Кирпичей там не было, но две бутылки лимонада тоже оружие. Не зря меня в «Бастионе» учили всякой ерунде.

– Ой, больно, падла-а... – мужик схватился за голову. Я подтянула лямку.

– Еще хочешь?

– Да я тебя урою! – вякнул он и прибежал к новому натиску. Неужто посчитал – бьет, значит любит?.. Этот дурачина не знал ни одного приема. Откуда? Вся жизнь по заведенному кругу: инверторы, бабы, бабы, инверторы... Я отпустила ему такую громкую затрещину, что сама испугалась: а вдруг из коридора услышат? Загремел стул. Мужик шлепнулся на кровать и вылупил на меня чуть ли не со страхом – вот это да, мол...

– Учти, у меня розовый пояс по тайцзицзюань, – предупредила я. – А это тебе не семь самураев. Так что замри, – быстренько оделась и подхватила сумку. Мужик не спускал с меня глаз, жалобно безмолвствовал. Чисто по-человечески его обида была понятна и правомочна.

Но как быть с моей обидой?

По коридору прошествовали несколько человек. Выждав время, я оттянула «собачку» и выглянула наружу. Процессия уже сворачивала на лестницу. Впереди шли двое. У одного в руке покачивалась наша папка – документы Воробьева. За ними еще двое тащили Туманова. Мир поплыл перед глазами... Опять они его куда-то тащат... Голова безвольно висит, ноги волоком по полу. Какой-то тип в косоворотке вынырнул навстречу, отшатнулся. Прижался к стеночке и испуганно проводил глазами.

Я закрыла дверь. Что делать-то? Делать-то что!!! Тоска звериная, притупившаяся от нечеловеческого напряжения, вновь вцепилась в сердце. Я пыталась сохранить самообладание. Что происходит? Напавшие забрали Туманова, документы и ушли. А раз ушли, значит, отчаялись меня найти. Посчитали, что я сиганула с пристройки и не разбилась. А кого они вообще искали? Кабы знали объект в лицо, замели бы меня как миленькую, и мужичонку в придачу. Но не замели. Позволили подурковать. Выходит, конкретных примет у них не было, а была лишь общая ориентировка. На что? На номер комнаты? На документы?

Командировочный тип вышел из шока и начал мудрено выражаться. Я очнулась. Малый не решался подойти. Продолжал сидеть посреди гостиничного раскардаша и очумело лупать зенками. Вот так и сиди, несчастный. Розовый пояс у меня (в крапинку). Убиваю на месте.

– Попроще выражывайтесь, юноша, – пробормотала я. – И советую вам не искать защиты у закона. При малейшей попытке пожаловаться я объявляю вас насильником номер один, грубо посягнувшим на честь порядочной женщины. Двадцать лет лагерей. Я лапидарно выражаюсь? (Между прочим, суровая правда – родина знает. От пятнадцати до двадцати пяти. За попытку. Спасибо православному благочестию.)

– Чао, бамбина. Сорри, – я сделала ручкой.

Двупалый портье смотрел в окно и трясся от страха. Я не пошла через главный вход – это сверхнаглость. От лестницы на цыпочках свернула в задний коридор, прокралась через какую-то заброшенную коллекцию «поп-арта» (от бракованного ламината до свернутых лозунгов и дырявых чайников) и, расклинив ржавую щеколду, выбралась на улицу через черный ход. Заставляя себя не торопиться, дошла до Котовского и, обернувшись вокруг хлебной будки, повернула обратно. Встала неподалеку от пивного киоска, окруженного толпой, и стала отслеживать фасад гостиницы.

Туманова грузили в черный как смоль «воронок» марки «тойота». Двое стояли на стреме, еще трое (среди них мой знакомец с лысым черепом) – один внутри, двое снаружи – пристраивали его на заднее сиденье. Туманов еще не пришел в себя, он был в наручниках – бледный, как призрак, вялый, как кукла. Даже не подозревал, что с ним делается.

Завершив посадку, лысый череп достал мобильник и стал оживленно болтать. Остальные терпеливо ждали. Мозги на свежем воздухе заработали как новые. Зачем «Бастиону» нас брать? Да еще таким загадочным способом. По какой бы причине он нас ни отпустил, он сделал это вовсе не за тем, чтобы снова напрягаться и хватать. Варианта, как ни думай, два: либо мы ему не нужны, либо... нужны. Последние события наводят на мысль о втором. И визит к архивариусу не случаен, он непременно должен что-то значить. Туманов безоговорочно верил старику – это надо учитывать. Но Воробьев не может не быть связан с «Бастионом» – уж больно мощной информацией он владеет, чтобы оставаться простым гражданином. Пусть сам и невинен, как овца, но к нему давно прощупаны дорожки. Либо через знакомых и коллег, либо через ту же экономку-компаньонку...

Стоп.

Я почувствовала озарение. Вот она, неувязка, о которой я не могла вспомнить вчера вечером! Она всплыла неожиданно – боевым вертолетом, взметнувшимся над лесом... Стариком сыграли (мы вами горы свернем, Иван Михайлович...). И история с документами в пласти-

ковой папочке (липовые или подлинные, пока не важно) – инициатива чужака, о чем старый человек может не подозревать. Да не может, а не подозревает! – не стал бы ради сомнительной идеи подставлять голову внучка... «У вас, Любовь Александровна, есть на Западе кое-какие связи, вы сможете ими воспользоваться и опубликовать документы», – сказал старик. Верно. Есть у меня связи. И опубликую, когда приспичит. И у других не спрошу. Но он об этом не может знать! По идее, он меня впервые видит и понятия не имеет, что за бабу приволок с собой Туманов! Вот оно как. Старика заранее настропалили на разговор и снабдили информацией о будущих собеседниках. Кто? Да вестимо кто – «Бастион». Не Орден же (тогда вообще несусветная дичь и полный мрак).

А зачем?

Хотелось бы мне это знать!

Лысый череп убрал мобильник и прыгнул в салон, машина тронулась. Проехала между мною и пивным киоском, мимо выцветшего прародителя всех реклам: «Храните деньги в Сберегательной банке» (в четвертом слове «и краткое» имело недавнее происхождение – ее намазали краской поверх «м»), не снижая скорости съехала с бордюра и повернула на Блюхера. Сработало позднее зажигание: я заметалась. Выбежала на проезжую часть и замахала руками. Дребезжащую «Шкоду» с прицепом занесло – прицеп протащило по трамвайным путям. Водитель постучал кулаком по лбу и поддал газу. Идущая за ним «Хонда»-коротышка вызывающе пролетарского цвета лихо подрулила к обочине. Я прыгнула в салон.

– Куда? – спросила женщина.

– За тем «вороном», – выдохнула я, ткнув пальцем в джип, застрявший на светофоре у студенческой «тошниловки».

– У-у, милочка, – протянула женщина и задумчиво постучала пальчиком по рулю.

– Я заплачу, – взмолилась я. – Сколько скажете, заплачу. Честное слово, надо. Они человека похитили...

Женщина выставилась на меня с неподдельным удивлением. Потом на мою прическу, приглаженную пятерней, на криво застегнутую сорочку под джинсовкой. Осуждающе качнула головой. Я ее знала – эту женщину. В девяностые она работала в бригаде калымщиков, занимающихся частным извозом по линии аэропорт – Энкс. Не то бригадиром, не то просто так. Маленькая, миловидная, одетая в неизменный кожаный куртофанчик, она ночами напролет крутилась по аэропорту, созывая пассажиров. Набрав машину – отлаженную до винтика «шестерку», – неслась как угорелая, преодолевая трассу до города в считанные минуты. Веселая бабенка – яркая представительница так называемой «мягкой» мафии – крутилась, как заведенная, и, видимо, неплохо имела со своих извозов. Те ребята все неплохо имели. У них даже «служба безопасности» была – жестко отгоняющая от хлебного дела чужаков, желающих заработать. С приходом НПФ, скорее всего, бизнес стал сходить на нет. Пассажиропоток снижался, калымщиков прижали. Что происходило сейчас, я просто не знала. Но если отлаженную «шестерку» сменила неотлаженная коротышка, то можно сделать выводы.

– Ну, поехали, – умоляла я. – Ну, пожалуйста...

Женщина вздохнула:

– Ладно, поехали.

Джип уже проскочил светофор. Мы сорвались с места, проехали на желтый и пристроились ему в хвост.

– Спасибо, – вздохнула я с облегчением. – А я вас знаю, вас Шурой зовут. Вы пару раз возили меня году в девяносто пятом.

– Эка невидаль, – бабенка пренебрежительно пофыркала. – Шуру полгорода знало. На улицах здоровались... Слушай, – она бросила в мою сторону короткий взгляд. – Учти, мне неинтересно, зачем ты гонишься за этими гавриками, договорились? Ты платишь, я везу. И никаких проблем. Неприятности твои, не мои.

– Конечно, конечно, – закивала я. – Я ж не дура, понимаю...

Показалась площадь Маркса с вечно недостроенной гостиницей. Джип вильнул вправо, на кольцо. Шура с аптечной точностью вписалась между двумя колдобинами и свернула за ним.

– Что, милочка, сильно я изменилась? – она опять покосилась в мою сторону.

Манера езды – не сильно. А в остальном... Конечно. Год лихолетья идет за два. Женщинам – за пять. Шура сильно постарела. Миловидные глазки и курносый нос покрыли морщины. Кожа на шее одрябла, руки огрубели и даже на пальцах проступали синие прожилки. И сама она вроде как меньше стала.

– Не сильнее, чем я, – пробормотала я.

Шура задумалась над моим ответом. Я тоже погрузилась в раздумья. Дьявольская задумка бывших коллег (бывших?) предстала в полной красе. С пренебрежением незначительных деталей. Потому и высиживали мы в застенке целую неделю, дабы позволить им провести начальный этап операции и подключить Воробьева с внучком. Их использовали вслепую, это ясно как день. Суть дела такова: «Бастион» подбрасывает Ордену документы о порочащих его союзника связях (правдивы или ложны документы – опять же не важно; Орден в любом случае зашевелится). Загребли не всех, кого могли. Двух или трех «сошек» в плане предстоящей операции оставили в покое, вот через эти каналы и распространили информацию о том, что некие субъекты повезут за кордон (зеленый коридор прилагается) некие секреты, представляющие для Ордена интерес. И в такое-то время в таком-то месте эта информация будет им передана. Субъектов, конечно, загребают, папочку тоже, и спустя незначительное время документы о коварных планах Японии и Китая уходят в верха. Субъектов не жалко, таково правило игры. Они ресурс исчерпали. Тем более ставки – головокружительные. Орден пытается использовать ситуацию в своих целях и налаживает контакты, которые будут тщательно отслеживаться (техника подобных дел знакома). Мелкие фигуры выводят на крупные, крупные на значимые, значимые – на ареопаг, и таким образом структура «пирамидального тополя» из мистической мглы обретает реальные очертания. Трудно, сомнительно, но «Бастиону» нужно работать, нужно что-то делать, чтобы не посадить страну, а главное, себя, в очередную выгребную яму. А мнения двух незначительных подсадных можно и не спрашивать. Зачем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.